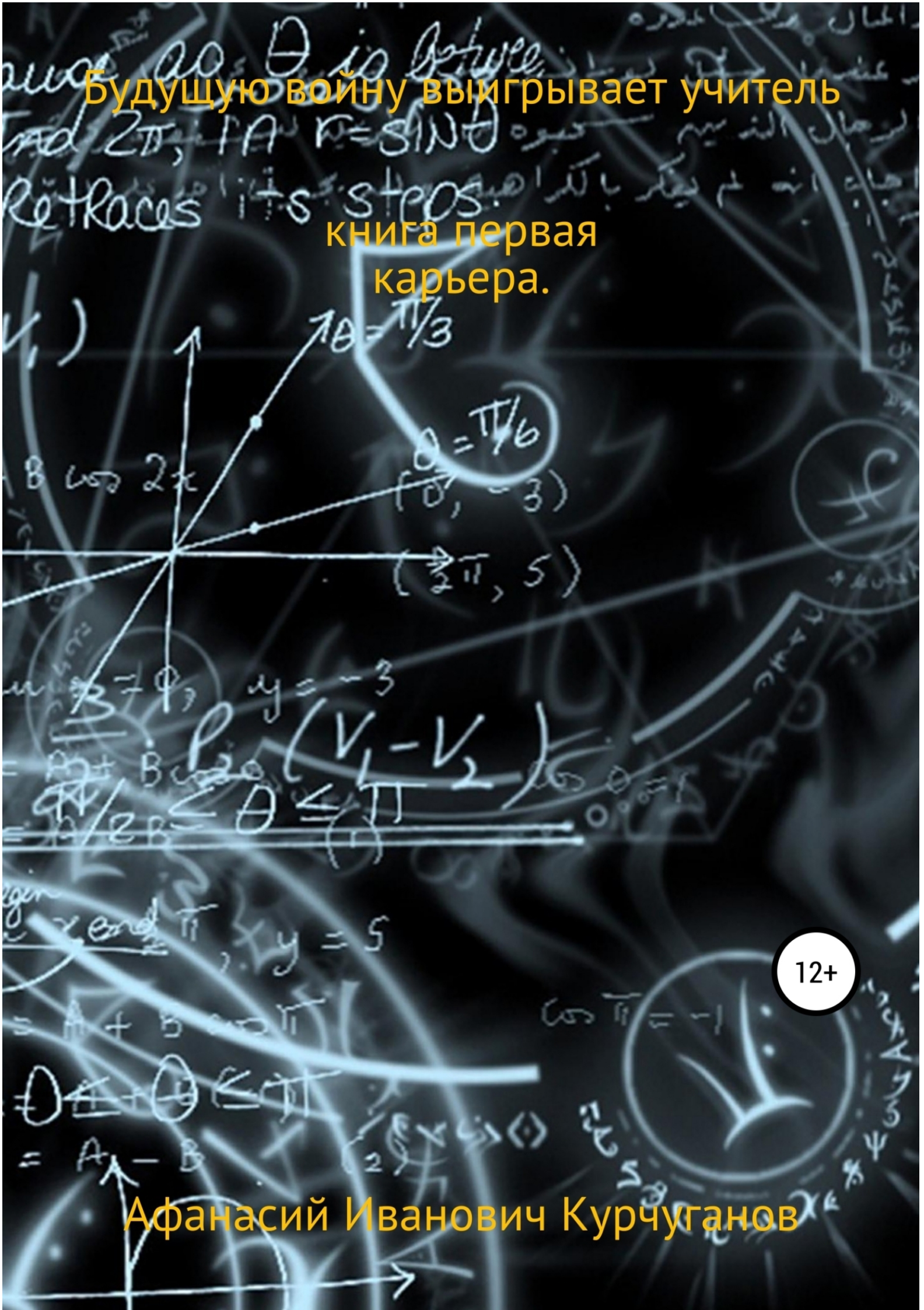
Будущую войну выигрывает учитель

книга первая
карьера.



12+

Афанасий Иванович Курчуганов

Афанасий Курчуганов

Будущую войну выигрывает учитель. Книга первая. Карьера

«Автор»
2022

Курчуганов А. И.

Будущую войну выигрывает учитель. Книга первая. Карьера / А. И. Курчуганов — «Автор», 2022

Участник рейда в пояс астероидов против захватчиков инопланетян погибает во время возвращения на Землю и рождается в эпоху правления Анны Иоанновны, сохраняя память о прошлой жизни. Вырастает, встречает таких же попаданцев. О приключениях и отношениях людей, делающих одно дело, но имеющих разные интересы и характеры, этот цикл.

© Курчуганов А. И., 2022
© Автор, 2022

Афанасий Курчуганов
Будущую войну выигрывает учитель. Книга первая. Карьера

Будущую войну выигрывает
учитель.

Это недопроизведение является не историческим, не научным, псевдо фантастическим бредом моего воспалённого воображения. Даты, события, имена и фамилии мне нашёптывали зелёные человечки, с рожками и копытами, в период прихода пушного зверька с красивым хвостом.

Часть первая.

Глава 1. Рождение

Пытка, башку в тиски зажали, причём со всех сторон, ремнём сжимают!!! Отпустили, теперь плечи жмут. А теперь пузо. Меня, что через кольцо продевают?

Вроде перестали продевать??? А почему я не дышу? надо дышать, а то сдохну!

Открываем рот, всё выплёвываем и дышим, вонь какая стоит – лучше б не дышал.

Пузо резануло – они меня, что зарезали? Кишки вытягивают! АААА-больно!!!! Фуууух вроде полегчало, на такую пытку тока эти извращенцы способны.

Вроде уже всё хорошо заканчивалось! Базу их мы взорвали удачно. Какая бы прочная она не была, но сто сорок четыре заряда по сто мегатонн расплавят всё, что угодно!

А угодно нам было расплавить триста километров астероидного поля. К базе подлетели спокойно, сами не ожидали! У них даже никакой обороны не было. Рассчитывали – если пробьётся один и врежется в базу то будет достаточно, а тут, спокойно подлетели, спокойно установили заряды, распределив их по всему корпусу и спокойно полетели домой. Жахнуло так, что аж тряхануло, в вакууме!!!??? Триста километров астероидов перестало существовать!!! Это нам с земли сообщили. Поздравили! лететь то нам было ещё двенадцать дней.

Захватчики уничтожены, можно и режим радиомолчания уже не соблюдать. Может кто-то из инопланетян остался? и нас вычислили? Но мы то ведь режим соблюдали, нам то говорить было нечем, не было на борту такого мощного передатчика. И вот мы подлетаем к земле, пилот сообщает о входе в атмосферу, – бац и темнота. И очнулся только здесь от головной боли, вернее от головной пытки!

А где это здесь?

Кто я? Где я? Чо за глупые вопросы? я? – это я, где? – это здесь! Во, юмор начал просыпаться! Значит не всё так плохо. Попробуем определиться, вокруг тишина полная, и темно, я связанный, но как-то аккуратно, без стяжек, без верёвок, просто не могу двигаться. Как будто закутан в одеяло и уже потом связан, лежу на чём-то мягком в общем то комфортно.

Может меня уже освободили? И я в какой-нибудь барокамере восстанавливаюсь. Нет у нас таких барокамер! надеемся на лучшее – готовимся к худшему! Информации – ноль, шевелиться – не могу – будем ждать.

Вроде свет какой-то, и шум. Поднимаюсь куда то, это кто меня так таскает? великан какой-то! Смешно!

Даже у инопланетян нет таких манипуляторов. А у нас уже нет, всё уничтожено, ими же – инопланетянами.

Чо то в рот суют – похоже на титьку, и тут как гром

– Мама, он грудь не берёт!

– Дык ты ему брызни молоком в рот!

—!!!!!!????? Это чо? меня накормить хотят? почему грудью? Фу брызнули! вкуса не чую – ковид что ли, хи-хи! опять юморим. Едим и думаем. Говорят по-русски, носят на руках, кормят грудью, я аккуратно связан – запеленат!!! –Я новорождённый!

И рождён я в России. Выходит, меня никто не брал в плен. меня заново родили – тамагочи блин.

Думаем дальше, а не хватит ли есть уже, пузо полное, опять на месте пореза заболело, логично – пуповина не зажила.

– Мама он не ест!

– Наелся, значит!

Положи его, пусть отдохнёт. Не одна ты страдала, он тоже страдал – ему тоже больно было!

Думаем дальше – значица я у себя не попал в плен, а просто умер, при входе в атмосферу, перегрузки, знаете ли, вот сердце бедного Кызылдура и не выдержало – инфаркт микарда! хи-хи, опять шутки юмора вспоминаю из прошлой жизни. (гоблин – это сила!) Вообще хорошая смерть – я о такой мечтал, правда мечтал я в бою погибнуть, тут никакого боя не было – всё равно умер, выполнив приказ! А почему во время посадки? дык почти месяц в космосе, невесомость, организм ослаблен, надеюсь я один такой. Пацаны то все молодые. Дочь не хотела отпускать. Кричала, ругалась, но я уговорил. Зажился я на этом свете, вернее на том, хи-хи, как теперь понять я щас на этом свете? или на том? или на том свете я был на этом? а теперь на том? Хи-хи –каламбур, однако! Почти шестьдесят лет пожил, последних двадцать – воевал как мог. Доча одна и вторая – тоже воевали, да все воевали, восемьдесят процентов бились как могли, остальные двадцать работали, чтоб мы могли драться. Хотя сколько там этого населения осталось? Меньше миллиарда, впервые же сутки захватчики сотни миллионов уничтожили в основном возле экватора и в субтропиках. А мы с севера им бац, а потом ещё бац, и пошла затяжная война на истощение. Очень сильно мы истощились, пока сообразили, как их можно бить, что б они не воскресали. Пока их базу нашли в поясе астероидов.

Пока корабли и боеголовки создали, вообще то мы искали и создавали одновременно, создавали с большим запасом, хрен их знает где они вторую базу прячут. Первую то мы быстро вычислили (за луной) и уничтожили, радовались –думали всё, победили. А они нам как дали, и ещё пол планеты обезлюдило,

Надеюсь, это была последняя, если нет – то земляне справятся и без меня, я сделал всё что мог, мне есть чем гордиться.

Кажися я опять проснулся, живот закрутило надо на горшок, не хочу под себя ходить. (– доктор, я буду ходить? – будете, но под себя!) что ж делать? Заорать, что ли? Попробуем. Как там доча моя кричала –ГАСООК! Не получается – просто

– АААААА!!! Получилось.

– Мама он чего-то хочет, может перепеленать его?

– Сама догадайся!

– Нее, он сухой

– Ну подержи его над горшком, может он умный, в меня.

Хорошо, хоть бабушка у меня умная, хотя голос молодой, а у матери дык вообще детский, ладно эту проблему мы решили, а теперь надо как-то решить проблему с купанием, поорать что ли опять, вдруг сообразят, бабуля умная!

– АААА!!!!

– Давай ка его искупаем уже целый день прошёл, а он у нас ещё не мытый.

Я ж говорю, что бабуля умная, просто поору, чтоб не передумали.

– АААА!!!

Ну вот купают, молчу только ногами дрыгаю и руками машу, всем своим видом показываю, что мне нравится. Улыбаемся и машем!!! Шампуня у них нету какой-то грязью мажут, о,

это ж зола, какой же это год? А век какой? Зрение начало проявляться, лицо вижу, это мать или старшая сестра – на вид лет тринадцать – четырнадцать. А вот эта больше на мать похожа – не больше тридцати. Дык кто из них, кто? Ладно потом разберёмся, время ещё есть, всего то мне второй день.

Вот ещё два персонажа появились, два мужика вернее мужик лет тридцати и пацан лет пятнадцати. Это чо это, я в средневековье? Ранние браки, молодые бабушки, папы пятнадцати годков, опят на хи-хи пробило. Пусть предки порадуются, теперь есть, и думать дальше – во сне.

Проснулся опять от боли в животе, опять на горшок надо, так сказать, справить естественные надобности.

Кричим

– Гасооок !!! – плохо получилось, да пофиг – будем тренироваться.

– ГАСОООК, щас лучше, ну ещё раз.

–ГААСОООК!!!!!, проснулись, распеленали, удивились!

– Мам он чего, заговорил, что ли?

– Похоже на то. Гляди, как тужится, а серьёзный какой? Как будто чо то соображает? если он щас скажет (помойте мне попу) я поверю в чудеса!

Не скажу, не умею ещё, просто поору.

– Ааа, не громко.

Пока не сплю, буду вспоминать, чего я знаю из прошлой жизни, начнём с азов.

Аз буки веди глаголь добро, больше не знаю, да и не знал никогда, даже в прошлой жизни. А вот абвгд, алфавит помню, хоть и не весь, но читать то я умею. А цифры – тоже знаю, таблицу умножения – помню,

А чо нить из химии – как не странно даже всю систему Менделеева перед глазами вижу. А ведь я её даже запоминать никогда не старался, всегда под рукой была. Зер гуд, даже привычка вставлять немецкие слова осталась. Ну всё я это я, успокоимся и будем расти. Как я понимаю, не зря мне Бог вторую жизнь дал, да ещё и со знаниями, которых раньше не было.

Спать! скоро крестины, надо там не заорать, а улыбаться и радоваться, а то примут за посланника дьявола, с моими-то странностями, короче, улыбаемся и машем.

Глава 2. Крестины

С утра в доме переполох. Все домочадцы перевернули, в кавычках, сундуки, принарядились, меня перепеленали, какая-то ещё пара подтянулась, похоже даже моложе моих родителей – крёстные.

ДАААА !!! ранние браки это что-то с чем-то! Воспринимать этого мелкого пацана, и эту мелкую девчонку как родителей – для меня странно, с годами, может, привыкну.

А вот и церковь, деревянная такая, в хорошем состоянии, Поп не молодой не старый, лет 40-45, аккуратная бородка, рядом как я понимаю попадья, миловидная, молодая, не толстая – приятная женщина.

Про обряд вспоминать не буду – ибо это таинство не подлежащее огласке, скажу только , что в купели вода была холодная(поп жмотяра и садист – не мог подогреть) ну и когда третий раз меня курял, задержал в воде подольше , с головой, а я брыкал ногами улыбался из воды и пускал пузыри , знай наших, я со странностями но не от дьявола, я спасать этот мир пришёл, но не от грехов , а от злых инопланетян.

И ещё !!! когда меня из купели вытаскивали непонятное какое-то чувство в мозгах появилось, не дискомфорт не благодать, что-то нейтральное, но что-то было. Я про себя сказал, вернее обратился

– Душа, это ты?

Молчание, такое громкое молчание.

– Ну и ладно, не хочешь или не умеешь общаться мысленно – не надо, но усвой – у нас на земле великая миссия от выполнения которой зависит судьба всего человечества, а может и самого создателя. (во как пафосно – думаю, проняло! меня то проняло) Так что хошь не хошь, а помогай . Если я чего-то делаю неправильно начинай волноваться, а если мне грозит опасность начинай болеть. Нет, лучше наоборот, при опасности – волнуйся, при скотском поведении или мыслях о таковом- боли!!!

Давай потренируемся, опасность – меня попадья хочет изнасиловать !!! – ага понял, а теперь антиобщественная мысль. я хочу изнасиловать попадью – ага понял. Ещё раз опасность – понял, антиобщественное – понял, вот так дальше и живём вместе.

А ещё я увидел, что я мальчик – и это здорово. Вырасту, буду, любит девочек, а чо вырасту то, я и щас их люблю, они такие красивые, нежные, стройные, не то, что пацаны, вонючие, волосатые и уродливые!!

Да мне просто повезло! Родись я девочкой – БРРР, даже думать об этом страшно, одна дорога в монастырь – женский, и всей моей миссии – кирдык!

А дома опять суета, накрывают на стол, какие-то ещё люди пришли, соседи. Меня всем показывают, а мне все рожи строят, толи напугать, то ли рассмешить хотят, как всегда – улыбаемся и машем! Сели за стол, я у матери на руках, поздравляют родителей, наливают в какую-то деревянную посуду самогон? – по запаху точно самогон. А мне то налейте! я виновник торжества!!! Это ко мне сегодня душа подселилась, и я с ней уже договорился, вон как болит. Видно мысль, налейте, была антиобщественной, ладно душа, не боли – я пошутил.

Пусть старики веселятся, а я сделаю вид, что сплю, не буду мешать.

Глава 3. Растём.

Утро, пора приниматься за дело, для начала поорём.

–Гасоook.

Теперь учимся говорить.

–ММММ. ППППП. БББББ. ДДДДД.

Не получается, тренируемся дальше, а пока не запеленали руками помашем, ногами подёргаем, головой покрутим, ну и помычим – только без фанатизму! А то подумают, что я чего-то хочу. На пример есть, и так за ночь два раза кормили. Ещё одно слово надо тренировать, купаться.

– Купа, купа, купа.

– О, получилось, два самых важных слова, горшок и купаться. Пока достаточно, кормить и так не забывают. А почему бы не искупаться? Хоть можно вволю руками ногами подрыгать, а то опять пеленать начали.

– Купа, купа !!! не понимают, по громче.

– КУПА, КУПА!!!

Кажися поняли, корыто достали, деревянное. Первый то раз я не увидел, ещё зрение не совсем включилось.

Да и квартирка я вижу, не совсем благоустроенная. Изба, одним словом, похоже крестьянская, жалко – графъём или князьём родиться было бы прикольней, ну на худой конец Ампиратором. А так придётся ещё и из грязи в князи выбираться. Кто ж меня такого не авторитетного слушать будет. Господь даёт ровно столько испытаний – сколько человек может выдержать. Ну значит тренировки начинаем прямо щас, прямо тут, в корыте, машем руками, дрыгаем ногами, вертим головой, расписание на ближайшие пять лет!

Глава 4. Пять лет.

Барин наш оказался инвалидом. На какой-то очередной бесконечной войне раненый, в трёх местах. Нога не сгибается, рука сохнет, и головой совсем плохо крутит. А он, кстати, тоже из крестьян, за подвиги дворянство получил, и офицерский чин. Одним словом, со всех сторон молодец, как такого не уважать? Но вот экономист хреновый, да и откуда бы ему стать хоро-

шим? Почти не грамотный, понятия о математике – самое поверхностное. Управляющий его дурит, а ему, по-моему, пофиг. Управляющий похоже тоже из малограмотных, да ещё и ленивый. Записей никаких не ведёт, кто, сколько барщину отработал? Пофиг ему. В общем барин у нас не богатый, хорошо хоть не амбициозный, а то вообще нам хана бы пришла. Замордовал бы налогами, а так доволен тем, что имеет. Одна беда – это до поры до времени, надумает жениться, и кирдык, ему ж дворянку подавай. А дворянки они такие, им платья из-за границы подавай, выезд по круче, с коляской, да и много ещё всего надо. Одной любовью сыт не будешь! А где на это деньги взять? Приданного много не дадут, не такой он уж и дворянин, без древней фамилии, да вообще без всякой Фамилии, ну тобиш без семьи. Родителей у него нету, где они я не знаю, может, ещё в крепостных ходят. Он вроде не старый, может он деньги копит, для выкупа. Если ему вожжа под сюртук попадёт, то хреново нам придётся. Ибо как говорил Клим Александрович, словами Карла незабвенного нашего Маркса, капитал можно только отнять у податного населения, тобиш у нас, не совсем у меня, у моих предков, а значит всё-таки и у меня, голодать и мёрзнуть придётся всем. Надо барина богатить, неужели я, человек двадцать первого века, не придумаю как? Придумаю! Уже придумал, для начала надо втереться в доверие. А как к военному человеку втереться в доверие? Правильно, сказать, что я тоже хочу стать военным, больше того, ахфицером и дворянином, прямо как барин. Для начала идём к соседу дяде Петру. И бегом, бегом тренировки никто не отменял.

– Дядька Пётр! А есть у тебя доска? берёзовая или осиновая?

Зачем тебе?

– Хочу сделать себе и твоему Илье по ружью игрушечному, будем с ним в войнушку играть. Я когда выросту в рекруты пойду! И тогда твоему Илье не надо будет идти.

– А чего это ему идти в рекруты?

– Дык больше некому, или я или он, остальные то все девчонки нашего возраста. Вот я и пойду, крестьян то у нас много, а столяров нету, кроме тебя ну и потом его.

– Ох ты ж умный какой! Вот такая пойдёт, рисуй тогда я выпилю.

Рисуем, вот тут так, а тут вот так, и приклад немного сюда завернуть.

– Дядя Пётр, а дай я сам попробую выпилить, чо я буду тебя от работы отвлекать?

– А сумеешь?

– Пока не по пробую не узнаем.

– Откуда только таких мыслей нахватался? Ладно, не поранься только.

Через два дня ружьё было готово. Дядя Пётр пришёл к отцу и уговаривал его отдать меня к нему в ученики.

Говорил, что у меня талант, хвалил, а с чего б ему не быть, я в прошлой жизни, до войны, и был столяром, какое-то время.

Сговорились, что я не совсем в ученики пойду, а буду приходить к дядьке Петру, когда он трезвый, и учиться, а за это я освобождаюсь от нянькания с младшей сеструхой, ну и стараться буду изо всех сил.

Наивные, мне только барину в доверие втереться, и только вы меня и видели. Ну видеть то будете, но вот учить меня чему-то – вряд ли. Как же тяжело воспринимать их за старших, им же всего по двадцать лет, а мне уже за шестьдесят, с телом пятилетнего ребёнка. Ну ладно, если план (А) не удастся, буду столяром, всё какая-то копейка.

На следующее утро взял удочки и «ружжо» и побежал ко «дворцу», больше похожему на двухэтажный деревянный сарай, правда он обит дранкой и оштукатурен, ещё не везде штукатурка осыпалась, и даже побелен. Какой же ты дворец? да какой уж есть!

Удочки – это для предков, типа я делом занят. По пути поставил удочки, сижу, жду, на дворец поглядываю. Главное не прозевать, вовремя подскочить и начать с ружжом, делать экзерсисы. А вот и барин, Прохор Иваныч. Подскакиваю, ружьё на плечо и

– Ать два, ать два, ать два, кругом, ать два, ать два, ать два, на ле-во, ать два, ать два, на ле-во, ать два, ать два, ать два, на ле-во, ать два, на месте стой, ать два.

– Ваше благородие разрешите обратиться, Иван, Макаров сын, ору как можно громче. При этом делаю вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальства. Хи-хи, вспомнилось же, от этого хи-хи вид ещё более придурковатый.

–ГЫ-ГЫ-ГЫ!!!! Ну потешил брат, обращайся.

– Прошу научить меня военным экзерсисам с ружьём, дабы к призывному возрасту, эээ-эээ мммм эээээ.

Молчу, чего к призывному возрасту? Мысль покинула голову. Оно и лучше, а то заподозрит, чего это я такой умный.

Барин чешет затылок, не знает как свою мысль сформулировать. Наконец то я свою мысль в голове поймал, и выпалил.

– Хочу служить матушке государыне императрице, получить ахфицерский чин и стать помещиком как вы, Ваше благородие, опять вид лихой и придурковатый.

– Гм-Гм, ну потешил, дай ко пищаль, смотри сюда, делай раз, делай два, делай три, делай четыре, и назад, делай три, делай два, делай раз. Пока тебе хватит, как этому научишься так следующий экзерсис покажу. И тихо тут, рыбу не распугай.

Всё утро тренировался как проклятый, молча. Не забывал, однако, удочки проверять, семнадцать ельцов поймал. А когда клёв прошёл, поклонился барину, показал экзерсис, он хмыкнул, я ещё раз поклонился.

– Спасибо ваше благородие за науку.

Собрал удочки, ещё раз поклонился и побежал домой. Дома отдал рыбу бабушке, схватил кусок хлеба и побежал к дяде Петру. Какой он дядя, блин, пацан штаны на лямках. А нет же, приходится слушаться, сословное общество, феодализм, позднее средневековье, год 1739 от рождества Христова, на престоле Анна Иоанновна, бироновщина ходит по Руси. Пока я выросту на престол взойдёт Елизавета, а вот при ней то можно будет и выслужиться. Всё-таки нашему барину повезло, чего же он такого сделал, что получил дворянство? Ранение тут не причём, таких калек в России как гуталину, хи-хи, щас ещё нет гуталину. Дёгтем сапоги чистят. Потом выспрошу, как подрасту.

– Ну и чем мы с тобой будем заниматься?

– Дядя Пётр, ты чего-нить нарисуй, а я буду выпиливать. Начинать надо с азов, бревно на доски расщеплять у меня ещё не получится, мало каши ел, а вот змейкой работать, я уже могу.

– Иж ты какой рассудительный, дык вроде, как и делать то нечего, кроме как доску заготавливать, ну никто ничего не заказывал.

Про ружжо Илье я молчу ему оно на хрен не надо, экзерсисы он всё равно учить не будет, а играть с ним в войнушку у меня времени нет.

– Дядя Пётр, а давай сделаем механизму, чтоб она куделю сама в нитку закручивала, я такую у батюшки в гроссбухе видал , куда он все записи делает. Ни какой такой книги у попа не было, но Пётр не грамотный , его даже ткнуть в эту страницу , он всё равно ни чего не поймёт, а если его ткнуть в поповскую библиотеку, из семи книг, он в обморок грохнется.

– Дык мы потянем, что ли?

– Да потянем, там всё просто,

Беру уголёк.

– Вот такая рама, вот тут катушка с двумя шкивами разной толщины, вот тут колесо, а тут педаль, а в эту деталь надо у кузнеца заказывать, ну она маленькая, за пол копейки сделает. А зато, и твоя жена и моя мамка в трое больше напрясть сможет, надо только их сразу две делать, давай я буду выпиливать детали. А ты доски заготавливай.

– А чертёж, а размеры? Без этого ничего не получится.

Вот тут я и попал, примерно размеры я знал, в миллиметрах, но вот сейчас такого понятия не существовало. Пётр пользовался тесёмкой, когда надо мазал её углём и отбивал ровную полосу, когда надо, складывал её вдвое, четверо, в восемь раз, и так далее, двоичная система!

– Какой же ты умный, дядя Пётр. Я думал мы просто сделаем и всё.

Надо же леща кинуть, чтоб ничего не заподозрил.

Ведь не было никакой самопрялки, ни в каких книгах, и книг тех мне ни кто открывать не позволил бы, я думаю и сам поп их ни когда не открывал, а нет, одну точно открывал, когда причащал. Но Петру то про это знать не обязательно.

Я самопрялку видел в детстве, ещё в прошлой жизни.

Зачем-то моей бабке понадобилось накупить шерсти, усадить нас (меня и брата) теребить её, а сама уселась прясть, а потом носки всей семье вязала. Для чего ей понадобились эти манипуляции, не знаю. Всё-таки на дворе стояла эпоха развитого социализма. В магазинах и носков и рукавиц и всего, всего было – завались, и стоило это всё копейки, да она б на свою пенсию по сотни пар могла нам покупать. Но вот понадобилось ей по прясть, и всё тут! Наверное, для будущей моей жизни.

Два дня мы делали чертёж, все размеры высчитали, не такой уж дремучий дядя Пётр оказался, а очень даже сообразительный. Две недели ушло на изготовление. И вот пришло время испытаний. Позвали мою мать в дом к Петру. Посадили её вместе с его женой, начали объяснят, что и как. Потренировались они немного – часа три, поматерили меня, Петра то они опасались, он же мог жене и глаз дать, мою то мать он не тронул бы. Но она уж за компанию с подругой мучилась. И начало получаться. Всему надо учиться.

– Само пряху в каждый дом! Дядя Пётр, а давай по пятьдесят копеек за каждую само пряху брать будем, а барину подскажем, чтоб больше льна велел сеять, у нас вон в селе баб сколько! Завтра же к тебе народ за само прялками потянется, и Илью твоего уже можно на помощь подтягивать, чего это он без дела слоняется, он же меня старше на целый год.

– А ведь и правда, он же тебя старше, а я его всё за маленького считаю, пусть помогает. А вот по пятьдесят копеек не дорого ли?

– Нее, это ж механизма, а механизмы ой как дорого стоят. Ещё у древних латинян, люди умеющие сроить механизмы – прозывались анжанерами, все они были патрициями и зарабатывали очень много денег. Ох ты, дядя Пётр – мы с тобой патриции!

– И откуда ты всё это знаешь? то же в гроссбухе у батюшки подглядел?

– Не, про это он сам рассказывал.

На самом деле ни чего такого поп не рассказывал, он просто заучивал в меня молитвы, а когда я выучил необходимый минимум, ученье и закончилось. Длилось оно с октября по апрель, а сейчас май.

– Только, дядя Пётр, не говори батюшке, что я у него подсмотрел конструкт самопряхи, а то ещё потребует долю, мы и так будем церкви жаловать, когда патрициями станем. Пусть он думает, что самопряху ты сам придумал, он все равно гроссбух не читает, он туда чего-то записывает, между строк. Он так виш на пергаменте экономит.

И «закрутилась» размеренная жизнь. Хоть какой-то распорядок появился. С утра я как по расписанию бегал на рыбалку, с ружьём, барин мне показывал упражнения, а я до пота их отрабатывал. Похоже, Прохору Иванычу тоже моё обучение нравилось, всё-таки он дядька в годах, по нынешним временам, за тридцать. Вот и возится со мной. Раньше он на рыбалку от случая к случаю ходил, а сейчас каждый день. Рыбы бабуля уже много насолила, два больших глиняных горшка, соль почти закончилась, решили оставшуюся муку продать и купить ещё. Хлеб теперь дают только мне и Варваре, это сеструха мелкая. Но рыба зимой важнее, зимой всё сточим.

Пётр сходил в усадьбу к барину. Много кланялся и долго чего-то объяснял. В итоге барин выдал, все крестьянские наделы засеиваем льном, а рожь будем сеять на барской земле, барская земля плодородней.

Межи все распахиваем, ибо нефиг пятую часть «посевных площадей» попусту топтать. А получать каждый будет от трудодней, колхоз, однако! Мои уроки политэкономии (неочёмные разговоры) пошли на пользу Петру, умный мужик! Сам всё понял, сумел барину втолковать. Конечно, львиная доля дохода уйдёт в карман к господину, огромный клин земли, отданный в общее пользование, барщина опять же, это же всё пай. Никто феодализм, в отдельно взятом имении, отменять не собирается. Сословное общество, однако. А вот поменять процесс труда ко всеобщей выгоде, это не возбраняется. Петра назначили управляющим и старостой в одном лице, как самого умного. Инициатива имеет инициатора. Прежнего управляющего барин уволил.

Тот собрал вещи и уже сваливал, но Прохор Иванович, со товарищи, перехватил его за околицей, перетряхнул весь скарб и нашёл-таки большой и тугой кошель, много же он наворовал. Так уж откровенно не грабил, посчитал, сколько тот должен был заработать за все годы службы. А остальные забрал.

Тут я не причём, ну если только маленько намекнул, что управляющий очень уж жадный.

Петру барин заказал 10 самопрях, для начала. Решил замутить мануфактуру, денег не дал, сказал, что Пётр, как инициатор, должен нести материальные издержки. Но если всё получится, то деньги он получит в будущем году. Когда все льняные ткани будут проданы. Да ещё местные заказали примерно столько же, на тех же условиях. Только на кузнеца деньги общество выделило, потому как кузнец жил в соседнем селе, и был чужим крепостным. Торопиться нам было незачем, прялки понадобятся только осенью. При Анне Иоанновне недородов вроде не было, я про это не знаю, так, что всё должно получиться, ну дай то Бог.

Осень показала, что всё получилось. Льна собрали не меряно, ржи тоже в достатке и чуть больше, можно курей побольше расплодить, всё-таки барская земля плодородней общинной. Оставили семян ржи и льна, остальное разделили по трудодням, вроде все довольны были, вот он социализм в действии! Из остатков льняного семени надавили масла, то же коллективом. Его уже разделили не по трудодням, а по едокам. Не совсем честно, но зато справедливо. Думаю, в будущем году народ будет охотнее трудодни зарабатывать. Всё, хватит тут прогрессорствовать, а то заподозрят чего окружающие. Да и мне никакой выгоды, я ещё мелкий. Ну хоть голодать не буду. А если не голодаю, то наращиваю мышечную массу, а значит и в рекруты можно раньше свалить, лет в четырнадцать, а то ведь женят в пятнадцать, а оно мне надо?

Илья, Петров сын, на меня обозлился, ведь это из-за меня его к верстаку поставили. Он же дети! А тут я, со своим трудолюбием, талантом и идеями. Бегал бы он сейчас по селу, да по лесу, ел бы малину, купался бы, да загорал. А тут с утра и до обеда работа – кончилось детство. Но задираться боялся, я хоть и младше на год, и ростом пониже, но гораздо здоровее. Всё-таки физкультура, ежедневная, в любое свободное время идет на пользу. Да и дядя Петя его осадил. Сказал прямо, если со мной, что то случится, ну несчастный случай в виде нечаянного гвоздя в пятую точку, или в ногу, то в рекруты уже ему, Илье, придётся идти, ибо больше некому. И если я передумаю, то тогда по конкурсу пятьдесят на пятьдесят. Так что он должен меня беречь холить и лелеять.

На зиму мы, с Петром, замутили лыжи, не по местным стандартам, а примерно, как в моё время. Делали сразу много, мне, Петру, отцу, деду, и Илье, вот с палками вышла заморочка. В этом времени понятия лыжная палка вообще не было. бамбука нету. Алюминия нету, пластика и того нету. Ну как-то и эту проблему решили, берёзу попилили на рейки склеили, ещё попилили, ещё склеили, получились они толще и тяжелее, чем современные, но всё-таки это были полноценные лыжные палки. Так у меня появилась возможность и зимой заниматься бегом.

Весна, опять рыбалка, экзерсисы с ружжом, отработка приёмов самообороны и нападения, барин показывает упражнения, я повторяю и повторяю, до пота.

– А скажи ко мне Иван, Макаров сын, почему ты всё время бегаешь, у тебя чо – шило в попе?

– Не, барин, ещё греки, которые древние, говорили – хочешь быть сильным – бегай, хочешь быть красивым – бегай, хочешь быть умным – бегай, я хочу быть красивым сильным и умным, как вы, барин. А ещё я хочу стать героем, дворянином, и ахвицером, как вы.

– Ты, что, считаешь меня красивым?

– Это не я, это все девки считают. (Надо же поднять самооценку человеку.) они меня все время о вас расспрашивают. И бубликами угощают, чтоб я не убегал от них.

А осенью барин женился, не на дворянке, конечно, (местные помещики от него нос воротили) купчиху в жёны взял.

Совсем девчонка лет четырнадцать, ну дык традиции, в семнадцать уже старая дева. Сто раз подумают, а чего это её никто не взял, наверное, с ней, что-то не так.

Зато в имении будет хоть один относительно грамотный человек, да и с математикой у неё всё в порядке было. Купцы, в отличии от дворян, дочерей учили, и не только политесу, ведь им хозяйство везти, когда муж в отъезде, а муж, если он купец, в отъезде всегда. А если повезёт, то и в дворянской семье, пригодится. Знание – сила!

Глава 5. Рекрут.

Я вырос. Мне почти четырнадцать. Я развит не по годам, широкоплеч, ростом перегнал отца и деда, а всё хорошее питание и тренировки. Я ещё и из прошлой жизни комплекс упражнений по самбо отрабатывал. Но это я уже совсем тайно, даже от барина. Ибо объяснить, сославшись на батюшку, откуда я это узнал, уже не получиться – пока не спалился. Вишу на волоске. Отец с дедом уже с кем-то сговариваются. Ой, как страшно! Женят ведь и фамилию не спросят! А мне ну ни как нельзя жениться, я зря себя, что ли тренировками изнурял. К барину на поклон, срочно, я ему как сын, единственный. У него уже 3 дочери. А сына нет, дык он на мне отыгрывается, делает из меня солдата, к моему большому удовольствию.

– Ваше благородие, разрешите обратиться! Иван Макаров сын.

– Что так официально?

За эти годы барыня, Елизавета Андреевна, барина нашего порядком в науках подтянула, и политесу подучила. В доме появились книги, и меня она, типа, научила грамоте и чуток арифметике. По крайней мере, уже можно сослаться кой на кого, откуда я такой умный и весь из себя образованный взялся. Не спалюсь.

– Официально, потому что дело касается службы. Дед и отец меня женить хотят, а мне нельзя, мне в армию. А как я жену одну оставлю? Как начнёт творить добро налево и на право.

– Гы-гы-гы, ха-ха-ха, гы-гы-гы. Ну ты и насмешил. До слёз прямо. Творить добро на лево и на право. И как только до такого додумался? Ладно, буду в городе на днях спрошу там, когда набор. Хи-хи-хи налево и направо, хи-хи-хи, творить добро.

Через пару недель в имении появился молодой офицер. Типичный такой недоросль, с умом аквариумной рыбки (как мне вначале показалось) и амбициями льва. Был он уж очень родовитый. Но с барином нашим вёл себя по-дружески. Называл его только по имени отчеству и всячески проявлял уважение. С чего бы это? Тут местные помещики (мелочь косопузая) Прохора Ивановича ни во, что не ставят, а тут приезжий аристократ из Петербурга, как к князю обращается.

Дед с отцом, зная о моём маниакальном желании рекрутироваться и ещё более маниакальном нежелании жениться, чего-то пошептались. Подозвали бабку, чего-то ей сказали, и втроём, куда- то свалили. Конспираторы блин! Ну всё, я попал! Женят ведь, уже сегодня обвенчают, а дальше, что? оставаться дома, ждать своего года призыва? А потом ревновать, как там моя благоверная «творит добро», НЕЕТ!!!

Бегу к дяде Петру. Пусть помогает.

– Дядя Пётр, беда, меня женить хотят.

– И что ж. В этом бедового? Каждый должен жениться, ибо сказано «плодитесь и размножайтесь»

– Дядя Петя, хоть ты не подкалывай. Из всего писания одну фразу запомнил и следуешь ей беспрекословно. А как мне понравиться с молодой женой «плодиться и размножаться»? Вот возьму и передумаю добровольцем рекрутироваться, пойдём мы с твоим Ильёй на конкурсной основе. А кто тебе в столярке помогать будет, я свою открою и буду у тебя заказы перехватывать (шантаж наше всё)

– Ладно, не кипятись, без Ильи, мне действительно, хреново будет. Ну двух девок я, допустим, сумею замуж отдать, а остальные ещё мелкие. А последыш, когда подрастёт! Когда его к верстаку поставить можно! Говори, чем помочь?

– Надо сух пай на две недели. Одежду запа….

– Чего сух???

О, блин, спалился !!! от волнения.

– Сухарей. Ну и мяса вяленного, рыбы вяленной, сала солёного, а на ближайшие дни можно пирогов и каравай свежий, ну и молока не много. Ещё надо портки, рубаху – запасные, портянок 2 пары, и денег, рублей пять. И не делайте мне такое кислое выражение морды лица, (пародирую местного ростовщика).

– Ви таки хотите сказать, что у бедного столяра водятся такие баснословные капиталы? (тоже пародирует).

Тут надо отметить, что после перепрофилирования экономики нашего села с зернового направления на льняное, дела пошли в гору. Барыня опять же через отца надыбала клубней картошки. Тоже оказалось очень выгодно. Город скупал её по баснословным ценам. Ещё, это уже с моей подачи, начали выращивать сахарную свёклу. Барин подсуетился и открыл сахарную мануфактуру. Вот тут-то и появился совсем-совсем бедный ефрэй. Открыл лавку, торговал всякой мелочью, давал деньги в рост. Думаю, ростовщичеством он не много зарабатывал, мужики у нас были прижимистые, и не глупые. Да и барыня знакомая с этой публикой, популярно, на примере одного, не очень умного, но хитрого, крепостного, взявшего в займы, объяснила, почему так нельзя делать. Мужик был высечен. Имущество его частично конфисковано в пользу заёмщика, пусть что хочет то и делает с ношенными портками и рубахами, а также юбками и лаптями (мужик был женат), жена тоже пострадала, а нечего было пилить,(хочу это, хочу то, ты меня не лююбишь!!!). В общем деньги у населения водились, но не по пять рублей, конечно, это я загнул! Что бы получить столько сколько надо – проси больше, и торгуйся.

– Пять не дам, дам два.

Ого, даже торговаться не пришлось, хорошо меня знает дядя Петя. Именно на такую сумму я и рассчитывал.

– Шмотки и сух пай (опять ОГО, запомнил) тоже соберём, понимаю, если б дома начал собирать тебя б на цепь посадили.

А когда, минут через тридцать, всё было собрано и упаковано в заплечный мешок, дядя Петя вдруг погрустнел, тетка Матрёна дык вообще разрыдалась, перекрестила меня и в лоб поцеловала. Даже Илья понурился.

– Ну, крестник, давай там служи, нас не забывай, руки ноги береги!

Напутствовал меня дядя Петя. Я развернулся и побежал, на ходу крикнув.

– Батюшке с матушкой всё обскажите.

А чо? Грузить дык по полной. Пусть теперь моих предков успокаивают. Ни чего, они кумовья, поругаются – помирятся.

Бегу и думаю, как бы предкам на глаза не попасться, ведь куда они сговариваться ходили, я не интересовался. Вот только сейчас подумал, а что они мне за невесту приглядели? Ведь сдохну от любопытства!

Прибежал в усадьбу, меня тут знали как облупленного, сразу же доложили барину.

Прохор Иванович вышел на крыльцо, вместе с офицериком, оба чуток под шафэ. Панибратство при посторонних было исключено, это понимал и Прохор Иванович, и особенно это понимал я. Строевым шагом, как бы смешно это не смотрелось, ведь я был в «гражданке»

Я подошёл к барину и не вскидывая руку к козырьку – громко заорал.

– Ваше благородие, разрешите обратиться к их благородию господину подпрапорщику!

– Разрешаю.

– Ваше благородие, господин подпрапорщик, рекрут Иван, Макаров сын, прибыл для дальнейшего прохождения службы!

– Это, тот самый, мой, ученик о котором я тебе рассказывал, лет ему маленько не хватает, но ничего, видишь какой он здоровый, кроме него в селе рекрутировать некого. Призывного возраста только бабы.

Село у нас было малюсенькое, дворов сорок, едва на деревню наскребалось, однако была церковь, а это статус. Ну и с введением нового прогрессивного способа ведения хозяйства, село начало процветать, люди забыли, что такое неурожай, голод и недоимки. Последнее было страшным. Всё мужское население за недоимки секли.

– А что молодец! пойдёшь ко мне денщиком служить?

Ага, щазз, подпрапорщикам денщик не положен, хочешь бесплатного слугу заиметь, крепостного при себе оставить, за счёт моего барина. Уж как меня в части списать в «запланированные потери рекрута с отдельно взятого села» ты найдёшь способ.

– Ни как нет, ваше благородие, хочу служить матушке императрице!

Офицерик скорчил кислую мину, но настаивать не стал. Денщик, не желающий быть денщиком – плохой денщик. Конечно, он устроит мне сладкую жизнь, по крайней мере, до прибытия в часть, но это всё равно лучше, чем на всю оставшуюся службу.

– Ну что ж, Иван, Матвей Григорьевич запишет тебя в реестр. А пока можешь идти домой. Он погостит у меня ещё пару деньков, я под началом его батюшки служил. (вот это уже было лишнее, не должен барин, перед уже рекрутом, отчитываться, однако проговорился барин, твой косяк, сам и выкручивайся)

– Нельзя мне барин покидать усадьбу. Родители меня женят.

Оба дворянина захохотали, рассказал, значит, шутку про «творить добро налево и направо»

– Хорошо, оставайся, тебя покормят и где переночевать покажут.

И ушли.

И тут появились они, мои предки, полным составом. Не далеко прятались, чтоб лишний раз господам на глаза не попадаться. Отец и дед глядели грозно (ага, я прям испугался) мать и бабка, как-то жалостливо. Молчим. Первым, как глава семьи, заговорил дед, с ухмылкой и каким-то сладко сиропным голосом.

– Пошли, внучок, домой. Наигрался поди уже в солдатов-то, мы тебе сюрприз приготовили.

Ага, так я и поверил. И сладким голосом копируя деда.

– А, что такое сюрприз, вы мне никогда сюрпризов не приготавливали.

Дед посмурнел. А отец выдал.

– Мы тебе новую одежду и новую обувку купили. Сюртук с карманами, портки наглаженные, брюки называются, сапоги яловые.

Точно уже к свадьбе решили принарядить. И тут в один голос мать с бабкой.

– Мы тебе невесту сосватали!

Как я не готовился к этому моменту, но всё-таки запаниковал. Срочно, в голове поймать мысль, у меня вроде в голове союзник был, душа выручай, дай мысль. Выкручивайся сам. Вот это мысль.

– Ааа мммм ааа, а кто невеста?

Фух, кажися, кажися, я выгляжу как идиот кажися.

– Да Настасья, дочь Похома за семь домов от нас живёт.

Ну слава богу! от любопытства я теперь не помру!

Девка она хоть и работящая, такие в крестьянских домах ценятся, но полноватая, даже по местным стандартам. А уж по моим, двадцать первого века, дык просто толстая. Вовремя я слинял.

– Пойдём сынок. Уже вечером в церковь надо. Мы уже всё приготовили.

Вот в этом я как раз и не сомневаюсь. Неделю уже на кухне работа кипит, и что-то в погреб сносится. Думали, если я у Петра в мастерской всё время торчу, то не знаю, что дома делается. А почему меня перестали напрягать, по поводу принести чего нить из закромов. И сестрёнки младшие, шушукаются и хихикают, на меня поглядывая. Не знал я только, что на сегодня всё назначено – патриархат блин, без меня – меня женили, вернее сосватали. Очень, очень вовремя я свалил. Решил я, что пора прекращать эту клоунаду, затылком чувствую, как господа в окнах ржут. А дворня дык вообще уши вытянули, завтра всё село ржать будет. И девку жалко, плохого она мне ничего не сделала. Надо исправлять ситуацию, а то ей жизни не дадут. Я тут вроде местный авторитет среди пацанов, давно уже. Более старших отморозков в грязи валял, и синяки ставил. Однажды даже трое хотели меня в стойло поставить, какой там, только друг другу мешались. Всех отметелил, а за то, что в троём – отметелил с особой жестокостью. Продолжаем спектакль по реабилитации доброго имени Настасьи. Говорю, чудь ли не рыдая.

– Матушка, батюшка, дедушка, бабушка, что ж вы мне не сказали, что это Анастасия? Я б уж, конечно, своего года призыва дождался! Я-то думал вы кого другого мне сватаете. А никого другого я не хотел.

Вот пусть теперь подумают, сюрприз это всегда хорошо и весело?

– А теперь уже поздно, как мне объяснили, территория усадьбы приравнивается к территории военной части, и покидать её нельзя. Подсудное дело, кандалы, каторга и Сибирь. А взамест меня – двоих с нашего села в солдаты забреют (я-то всегда ходил лысым, забрили меня уже, или не забрили, не поймёшь)

Отмените свадьбу, а не состоявшимся родственникам скажите, мол, обстоятельство непреодолимой силы. Забрили нашего Ванечку в солдаты, и нет ему пути назад. И давайте уже прощаться, а то меня командир сейчас накажет, и потом всю службу смеяться будет, дразнить маменькиным сынком и бабушкиным внучком. Завтра я ещё тут буду, можно будет увидеться. И вещи мне какие нить принесите на смену, и продуктов в дорогу, и денег на непредвиденные расходы.

Действую по принципу, тётенька дайте воды напиться, а то так есть хочется, аж переночевать негде! Обнялся со всеми, поклонился в пояс, проводил взглядом, повернулся и …!

В окне стояли господа и откровенно ржали. Барин был хоть и не образованным, но отнюдь не глупым. Мою игру он просчитал на раз. В другом окне барыня подносила платок к глазам, женщина она эмоциональная. А может у неё от смеха слёзы катились. Я взял свой мешок и пошёл на кухню, пора подкрепиться.

Следующим утром пришли отец и дядя Петя.

Я подмигнул крёстному, мол не выдавай меня. Он подмигнул мне в ответ, мол и ты меня. Отец отдал мне мешок и сказал.

– Тут твоя одёжа, сухари, сало и вяленное мясо, на пару недель должно хватить. Вот тебе денег, три рубля на не…пред…, как ты Пётр говорил? Ага вот именно, непредвиденные рас-

ходы. Откуда только слов таких мудрёных нахватались? А это – обстоятельство непреодолимой силы. Я как Пахому это вчера выдал, он аж остолбенел, даже ругаться не стал. Только сказал (раз такие обстоятельства – деваться некуда), по-моему, он подумал, что ты помер.

– На свадьбу много наготовили, куда теперь это всё девать?

– А вы поминки устройте! Хи-хи, шучу я. Сделайте проводины. Повеселитесь, здравницы, государыне нашей, по произносите. Покажите всем, что не горе у нас, а радость. Сын уходит служить отечеству. Почётную обязанность выполнять, священный долг!

Ух, аж самого проняло.

Как отгуляли проводины – не знаю, побоялся я отпрашиваться. Ещё напоят и оженят. Батюшка наверняка ведь там присутствовал. Скажет, венчается раб божий Иван рабе божьей Анастасии. И кирдык, конец свободе, здравствуй ревность. Слышал, что песни орали, на балалайке бренчали.

А утром мы двинулись. Офицерик на какой-то кляче, я пешком. Один мешок за спину второй перед собой, на груди. Своя ноша не тянет. А этот подпрапор решил, то ли проверить меня, то ли начал мне сладкую жизнь устраивать. В общем, погнал он свою клячу мелкой рысью. Давай, давай, скорее твой Росинант сдохнет, чем я устану, я парень тренированный.

Пообедали в чистом поле. Конь – это не человек – ему отдыхать надо. Оказалось, что у моего начальника жрачки не было. Дворянин, тонкая натура, о приземлённом не думает. Зато была бутылка настойки, это ему мой барин презентовал (жратвы презентовать не догадался? или это был тонкий расчёт). Я расстелил полотенце, нарезал каравай, сало, положил вяленое мясо, молоко, и предложил офицерику присоединиться. Он не заставил себя уговаривать. Тут же сел и начал хомячить, я от него не отставал. Когда наелись, начальник достал заветную бутылку налил мааленькую глиняную чарку и подал мне. Всё, я его зауважал. Никаких больше официериков, хоть и про себя, а только, ваше благородие, и Матвей Григорьевич. Выпили, их благородие прямо из горлышка пару глотков сделал, крякнул и сказал.

– Нам, брат, много пить нельзя. Особенно на голодный желудок. Молоды мы с тобой очень. Ну всё собираемся, к вечеру надо быть в Отрадном, там ещё рекруты есть. Ты над ними будешь старший.

Значит, мой пробег был не местью, а просто испытанием. Стою ли я чего-нибудь? Можно ли на меня положиться? Я зауважал командира ещё больше. Хоть и молодой, но не глупый.

К вечеру добрались в большое село. Тут нам надо было «призвать» трёх рекрутов. Местный помещик с моим офицером холодно поздоровался, руки не протянул, кивнул только на сарай.

– Вон там твои.

И ушёл, ни тебе ужина, ни ночлега – сословное общество! «Я богатый ты дурак».

В сарае сидели три человека, связанных!

Офицер поглядел на них, и кивнув на меня сказал.

– Вот вам старший. Он за вас отвечает, все вопросы к нему.

Развернулся и вышел. Ну что ж, недоросль то не дурак, сразу нашёл на кого свои обязанности спихнуть.

– Вы из этого села, или вас, где нить выловили?

– Местные мы.

Ну понятно, неугодны барину. Или работники плохие, или в бутылку лезут, то есть на дыбы встают, либералы, одним словом. Будем перевоспитывать.

– К офицеру обращаться не иначе как, ваше благородие или господин подпрапорщик, ко мне господин старший (это я сам придумал, звания то ещё нет, а командовать как-то надо). Вы уже являетесь военнослужащими доблестной Императорской армии. Поэтому любое невыполнение приказа ведёт к суровому наказанию. Побег – равно дезертирство. А за это порка,

кандалы, Сибирь и каторга, можно выбрать четыре из четырёх. (демократия, однако, свобода выбора). А теперь встать! Кру-гом.

И я разрезал верёвки. Забирать их с собой я не планировал, по мелочи тырить не приучен. Но и местному помещику подхалимничать не намерен.

– А теперь, кто живёт дальше всех?

– Ну я.

– Имя?

– Иван, сын Ивана

– Вот так и отвечай, только громко и внятно, привыкайте к армейскому языку, вам на нём всю оставшеюся жизнь говорить.

– Выходи строиться, в колонну по одному становись. В колонну по одному, это значит в затылок друг другу, на расстоянии одного шага. Вперёд, шагом, марш.

И пошли они, ох как пошли, убил бы гадов. Но насчет правой и левой ноги, я не стал заморачиваться, пока, сам устал. В первую избу зашли все четверо. Я, на всякий случай, никого не выпускал из поля зрения, не зря же их связывали и в сарае держали. Я велел хозяйке собрать вещи, и еды на две недели. Вещей не оказалось, а из еды только краюха хлеба, даже сухарей не было, нечего было сушить. Всё съедалось в процессе приготовления. Мы-то в своём селе, оказывается, живём очень богато, а тут одна пара лаптей, одни портки, одна рубаха и жрать нечего. Зря тащились.

– У остальных тоже самое?

Мужики понурились.

– Ну а у кого изба просторней?

– У меня только дед с бабкой.

– Отставить, как надо обращаться?

– Савелий сын Ивана, у меня, господин старший, дома только дед с бабкой, сирота я.

– Выдвигаемся к тебе, расположимся на ночлег. И запоминайте, как я говорю, это и есть армейский язык.

– Господин старший, а можно мне….

– Можно Машку за ляжку и козу на возу, а в армии – разрешите.

Надо же показать свою эрудированность.

– Господин старший, разрешите остаться дома, до утра, с женой проститься?

Ага, щазз, ищи дурака.

– Отставить, поцелуй жену в нос, кругом, на выход шагом, марш.

И тут он сломался, толкнул обоих товарищей, и побежал. Хи-хи, от меня? Я рванул и прямо на крыльце толкнул его в спину. Он покатился кубарем, а я на лету ему ногой по роже, (изо всей дурацкой мочи, распрекрасные вы очи) он затих, выбежали на двор рекруты и баба. Как заголосит

– Убили!!! Ваню убили!!!

– Молчать!

Рявкнул я.

– Живой он, только контужен, неси воды. А вы двое берите его, ложите на эту лавку, ты найди две хворостины, а ты стяни с него портки, нечего портки портить. Ты баба плесни ему воды в морду, ага очнулся приступайте, это приказ. А за невыполнение приказа трибунал, кандалы, Сибирь, каторга.

Иван взвыл.

– Барин помилуй!!!

О как, я уже барин, а чему удивляться, добротная, новая, крашеная одежда, и сапоги. А это статус.

– Не помилую, ты товарищей подставил, если б ты сбёг, их бы пороли.

Вообще-то пороли бы меня, но про это я благоразумно умолчал.

– А ещё с твоего села заместо тебя, двоих в солдаты забрили бы. А как твоим детям жить тогда? А жене? Семья дезертира! Как с таким клеймом в люди выходить? Секли мы его прямо тут, при жене и детях, да ещё соседи через забор заглядывали. А пусть видят, ох и злой же я. А с чего добрым быть. Пол дня бегом, пол дня пешком, к этому уроду через всё село топали, как идиоты – строем. А у него и вещей нет, и пожрать нечего.

– Отставить экзекуцию! Ты баба плесни ему на задницу водой, ему легче станет, да штаны ему одень, можешь поцеловать, куда хочешь.

Прибежал какой-то малец. Да как заорёт.

– Господин ахфицер требует рекрутов к себе в усадьбу!

Вот молодец, чётко и внятно, и выспрашивать не надо, куда – зачем.

– Ты Савелий. И ты, берите его под руки и вперёд, бегом, у вас на руках раненый. И чем быстрее вы доставите его в госпиталь, тем больше у него шансов выжить!

Бежать не получалось – так, плелись, быстрым шагом.

На крыльцо вышел Матвей Григорьевич, кивнул на сарай.

– Ночевать будете там, утром выступаем

– Слушаюсь, ваше благородие.

И командир ушёл.

Я расстелил на сене полотенце нарезал хлеб сало, положил рыбу, рекруты смотрели на меня сглатывая слюну.

–Ты, я ткнул пальцем, принеси воды, а ты, опять ткнул во второго, дай бутерброд раненому. Я протянул ломоть хлеба с салом. И садись за стол. Начали есть. Тот, что ушёл за водой долго не появлялся, я уже начал волноваться, не сбежал ли? Неужели урок не пошёл впрок – пошёл. Прибежал, запыхавшись, и с порога начал трындеть. Офицер, помещик, усадьба, с семьёй, даже со двора выгнал. Ни чо не понимаю. Я скомандовал

– Приступить к приёму пищи! Потом расскажешь, а ты дай раненому ещё бутерброд.

Ели много и с аппетитом, особенно рекруты. Сало для них было деликатесом. Рыбу тоже подмели, хоть она и солёная была, но это уже без меня. Я, предчувствуя завтрашний переход, от солёного воздержался. Когда поели, Савелий заговорил, оказывается, наш офицер тутошнего помещика, со всей семьёй, выгнал из усадьбы. Даже во флигеле переночевать не разрешил, вообще на двор усадьбы запретил заходить. Слуг, однако же, оставил, велел большую бадью и много горячей воды принести к себе в комнаты, и девок дворовых тоже позвал, спинку потереть!!!

Не прост наш командир, ох не прост. Ещё час назад местный барин смотрел на него как на мусор, а гляди ко ты, тот уже в его апартаментах, с его же девками в ванне купается. А сам помещик, думаю, в поповском доме ночует, со всей семьёй. Вот унизил, так унизил.

Лежу на сене, обдумываю ситуацию. И тут заговорил Иван, который раненый.

– Господин старший, не выдавайте меня их благородию, я больше не буду! Помилуй, барин, ради Христа прошу!

– Вот видишь, Иван, в какую мощную организацию ты не хочешь вступать. Наш командир имеет самый первый офицерский чин, а вон как, одним щелбаном, твоего бывшего всесильного помещика из собственной усадьбы выгнал. Захочет и вообще в кандалы закуёт (надо же было страху напустить).

– Я хочу-хочу, барин. Я уже понял, что глупый я.

– И мы очень хотим.

Поддакнули остальные рекруты.

– Скажешь, их благородию, что синяки на твоей заднице и на морде лица тебе твой бывший помещик поставил, а вы подтвердите, а я промолчу. Всем отбой. Если услышу ещё хоть звук, будете отжиматься до утра.

И я уснул.

Утром плотно позавтракав, я заявил своим подчинённым.

– Продукты мои личные, да ещё я их пер на себе до вашей дыры, так, что, каждый приём пищи будет стоить вам по пол копейки (ну ни разу я не альтруист, а очень даже домовитый и хозяйственный) отдадите с первого жалования. А сейчас, ты, седлай офицерского коня, и проследи как за ним ухаживали, если плохо, дай конюху в глаз. Привыкай, ты теперь боец, а не крестьянин.

И Савелий убежал. Вышли во двор, их благородие стоял на крыльце с чашечкой кофе. Рядом крутилась какая-то девка, довольно миловидная, и улыбалась во весь рот. Командир наш не промах, уважаю.

За воротами стоял хозяин имения, под уздцы держал ладного жеребца, и усиленно мне жестикулировал свободной рукой. Я вышел.

– В чём дело?

Спросил я, смотря сквозь него. За ним стояла ещё лошадь, запряжённая в телегу. Телега была чем-то нагружена. Не сильно три – четыре мешка.

– Мне бы с хозяином вашим поговорить.

– Он не хозяин – он командир! Ты хочешь аудиенции?

– Да.

– Сейчас доложу.

И развернувшись, я побежал к крыльцу. За пять шагов перешёл на строевой шаг. Встал по стойке смирно, и громко отчеканил.

– Ваше благородие! разрешите доложить!

Он кивнул головой, сдержано улыбаясь, понял мою игру.

– Местный помещик просит вашей аудиенции!

– Пусть заходит.

Улыбался он уже не скрываясь. Я развернулся, сделал пять шагов строевым шагом и припустил бегом. Подбежав к помещику. Заговорил скороговоркой, делая испуганное лицо (пугать, так до икоты).

– Их благородие вас примут, кофею они испили, настроение у них доброжелательное.

Я протянул руку, играть дак до конца. Не только начальник крут! Но и подчинённые у него не промах. Сообразительный, сразу же сунул мне серебряную монету. Развернувшись, побежал к сараю, построил рекрутов, дал команду к бою, разъяснил, что она означает. И заставил отжиматься. А нефиг рекрутам знать, о чём договариваются высокие стороны. Высокие стороны договорились быстро. Матвей Григорьевич вскочил на жеребца и дал команду выдвигаться.

– Раненый на телегу, быстро! Савелий, тащи мои мешки. Ты.

Я ткнул пальцем в мужика имени которого так и не спросил, – Правишь.

Сам схватил «Росинанта» под уздцы и быстро привязал его за задний борт.

– Бегом, марш.

И мы мелкой рысью погнали. Савелия и безымянного мужика я периодически менял местами. Сам же всё время бежал. Командир поглядывал на меня с одобрением.

Верст через десять сели полдничать, лошадь ведь не человек, ей отдохнуть, попастись, воды попить надо.

У Ивана глаза совсем заплыли, вот я его в телегу и определил. Спадёт опухоль, будет вместе с нами бежать. Подпрапорщик ни чего у меня не спрашивал, но обо всём догадывался. Умница, раз назначил старшим, то и нефиг меня контролировать. После обеда передвигались уже пешком. Ночевали в какой-то деревне. А всю следующую неделю практиковали волчий шаг вестфолдингов, пять километров бегом, и столько же быстрым шагом. Конечно же с перерывом на обед. Вот во время такого перерыва я и подошёл к командиру и полуофициально обратился.

– Ваше благородие, а не могли бы вы рассказать, как ваш батюшка, генерал-аншев! вдруг оказался знаком с Прохором Ивановичем?

Отчего ж не рассказать? Мне батюшка перед самым отъездом эту историю поведал. Было это во время турецкой компании, наши войска тогда Азов осаждали. Турки сделали вылазку большими силами и прорвались к штабу, где и командовал батюшка. В общем бились страшно, отца ранили. А тут полурота Прохора подоспела, командир у них был то ли убит, то ли ранен, вот Прохор и стал командовать, он тогда унтером был. Врубились они в янычар и оказался Прохор рядом с батюшкой, бились плечо к плечу. Батюшка упал, а Прохор, уже будучи сам изранен взвалил его к себе на плечи и побежал в тыл. А его полурота продолжала биться в штыковую. А тут и казаки подоспели. Отца и Прохора на коней и в госпиталь. Янычар тогда много побили, Азов почти сразу после этого сдался, защищать его уже было почти некому. Ну а потом моя матушка уже хлопотала, она у меня фрейлиной при императрице состояла.

А ещё мне велено было, это уже матушкой, посмотреть, как Прохор Иванович хозяйствует, не зря ли она хлопотала, всё-таки он не потомственный дворянин, да и не грамотный … был. И, скажу тебе, Я был приятно удивлён. И сам он не бедствует, и крестьяне у него очень зажиточные. Вон с Отрадным сравни. Крестьяне чуть ли не с голым срамом по селу ходят, досыта никогда не ели. И это считается нормальным. А у вас в селе сахар! ты понимаешь, САХАР !!! есть.

– Ну сами то его мы почти не едим, только производим и в город продаём, мы всё больше на мёд налегаем.

– Вот я и говорю, где-то ржаной кусок – за счастье, а у вас мёд в порядке вещей.

– Ну дак это всё просто, крестьяне у нас в России живут вроде общиной, а какая же это община если вся земля на мелкие наделы поделена. Одни межи. От пятой части до половины, межи занимают. И у одного крестьянина до десяти наделов в разных местах. Он пока с одного до другого надела доберётся – пол дня пройдёт. А работать когда? То же и с покосами. А у нас барин уговорил распахать все межи. Добрую землю засеваем рожью, а плохую льном. А лён на ней растёт хорошо. Опять же в каждом доме механизма-самопряха есть, а то и по две – три, по числу девок. Это мой крёстный их изобрёл, а на самопряхе любая баба али девка вдесятеро больше сделает, чем веретеном. А ещё красильня. Вот и продаём мы не куделю, а готовую крашеную ткань. Отсюда и доход.

– А ты то сам почему в солдаты захотел? мне Прохор Иванович говорил, ты с малолетства тренируешься.

Я пожал плечами.

– Не помню, что было в малолетстве, а сколько себя помню- хотел быть как Прохор Иванович. Герой. И девки его любят.

– Заболтались мы, что-то. Пора в дорогу.

Глава 6. Учебная рота.

Наконец то мы прибыли в полк. Где он находился? Я сказать не могу. Сам не знаю. Вообще, где я прожил всю эту жизнь, в смысле географии, не знаю. Наше село называлось – Глуховское. Городок до нас ближайший – Ново-Никольск. Полк квотируется в Старо- Бельске. Единственный ориентир Санкт-Петербург. Больше знакомых названий поблизости не было. У солдат спрашивать направление и расстояние бесполезно, они сами ничего не знают, как, впрочем, и я тоже. Уклад такой. Как говориться, дальше своего плетня ничего не видел. А у офицеров – чревато, заподозрят, что я сбежать хочу, и для этого направление выпытываю.

Короче география такая, пол лаптя на карте. От Урала до Смоленска, от Новгорода до Рязани. Говорили только, что Петербург близко, всего полторы седмицы пути. А какого пути? Прямого или Российского (сем загибов на версту). Пешего или конного? Хотя если конного на Росинанте (это был вообще-то не Росинант, это вообще была кобыла, но мне показалось, что кличка Росинант ей подходит как нельзя лучше), то пешего получится меньше.

В дороге барин меня спрашивал, чего это я его кобылу Росинантом зову. Вот как ему объяснить про Дон Кихота? Написал её (книгу) Сервантес, или ещё нет. А если написал, издавалась она в России, или нет? В общем попал.

– Да барыня рассказывала историю, про рыцаря в тяжёлых латах, и на старом худом коне. Он, там какие-то подвиги смешные совершал.

Кажися отмазался. В общем, где нахожусь – не знаю, год на дворе 1748, весна, а на троне Елизавета Петровна.

Подъехали к воротам, (кто-то и подошёл) командир сдал нас дежурному, а сам направился в штаб доложиться. Дежурный показал нам направление.

– Там ваши сидят, вы их сразу узнаете. Доложите унтеру о прибытии.

– Савелий в телегу, остальные в колонну по одному, становись! (дежурный хмыкнул) за мной шагом – марш.

И мы потопали, за время перехода я своим подчинённым разъяснил, где правая, где левая нога, они их у же почти не путали, так что шли мы почти как, студенты на сборах военной кафедры, сносно. А вот и наша группа, на вытоптанной полянке сидит, половина в солдатском, половина в «гражданском», точно они. Высмотрел сержанта, скомандовал,

– Группа! На месте …. Стой! Раз два! На право! Смирно!

Подбежал Савелий с телеги. Тоже встал в строй. И я строевым шагом подошёл к сержанту. Руку к козырьку не поднимаю, ибо козырька у меня не было, вообще шапки, как и волос, у меня не было.

– Господин унтер-офицер! Группа рекрутов в количестве четырёх, прибыла для прохождения воинской службы, докладывал рекрут Иван сын Макара.

Надо отдать должное унтеру, во время доклада он стоял по стойке смирно, приложив руку к виску, точно по уставу. А по окончанию скомандовал, вольно. Я продублировал. А что? Я собрался делать военную карьеру, вот и надо сразу себя показывать.

– Ты из семьи военных? Где так докладывать научился?

– Никак нет! Меня барин всему военному научил. (не забываем принять вид лихой и придурковатый, знай наших, этому я тоже обучен) Унтер ухмыльнулся.

– Вот тебе первое задание. Берёшь своих молодцов и бежишь воон туда, там интендантский склад. Получите обмундирование. Лошадь оставьте пока здесь, а кстати кто ей хозяин?

– Хозяин, ей, наш сопровождающий, и Росинант его же. Мы прибыли сюда с подпрапорщиком Беловым, он сразу же в штаб поехал. Разрешите выполнять?

Он кивнул, я отдал команду.

На право, бегом марш.

Затылком почувствовал, как унтер улыбается. Прибежали на склад, там сидел другой унтер, читал какую-то бумагу. Я доложил о том, кто мы и, что мы.

– Вот только, что на вас бумагу принесли, надо же как оперативно. обычно новые рекруты дня по два бумагу ждут. А я сижу и голову ломаю кого же за счёт неё одевать. С вашей роты рекрутов двадцать бумагу со штаба ждут, а тут надо же, вас ещё нет, а документ на вас уже принесли!

Ну и молодец оказался Матвей Григорьевич. Не пустил дело на самотёк, всех построил и посчитал.

Кладовщик закричал.

– Федька, тащи четыре комплекта,

И уже мне, таким сладким голосом.

– Я гляжу у тебя сапоги ещё новые.

– Ну дык всего две недели как купил, специально для армии, не в лаптях же служить.

– А вот в сапогах то тебе служить и не придётся, в сапогах только кавалерия.

– Ну тогда я их своему командиру подарю, вот глядишь мне и будет поблажка.

А ведь это хорошая мысль. Интендант понял – меня просто так не надуешь.

– А давай ты лучше их мне продашь, я тебе сразу гривенник дам, а остальные потом.

Ага отдам, потом, половину, может быть, наверное. Вспомнил я советский фильм. А вот мысль подмазаться к унтеру уже прочно засела в моей голове. Сапоги в наше время стоили не просто дорого, а очень дорого. Иные помещики их друг другу дарили, скажем, на день рождения. И не стеснялись и дарить, и принимать. Даже если они унтеру и не подойдут, он всё равно найдёт как ими воспользоваться. Взятку кому-нибудь даст, тому же кладовщику.

– Нет.

Сказал я

– Я точно решил подарить их своему командиру. А вот у него то вы и сможете их купить, если они вам так понравились!

Интендант скривился. Я подошёл к стене, тут висели плакаты, как должен выглядеть солдат. Вгляделся, а плакаты то напечатанные! Продвинутая часть, видно и правда не далеко от Столицы. Подозвал остальных и разъяснил, что они должны получить. Строго приказал проверить. Потому как если чего не хватит, с жалованья придётся покупать. Ну тут хозяин склада не стал жульничать, выдал всё как положено. И напоследок ещё велел передать моему командиру, чтоб привёл, тех, что второго дня прибыли.

Я поблагодарил интенданта, поклонился в пояс. Он просто делал свою работу, ну и при этом имел свой маленький гешефт.

Вышли со склада, я переобулся, протёр сапоги, портянкой, и мы побежали в расположение полуроты, строем. По прибытии я опять доложил о выполнении приказа. Унтер удивился.

– Ух ты! А ваш то сопровождающий кота за хвост не тянул, и штабных напряг! Повезло вам.

– Ага, очень. И ещё интендант велел передать, что пришла бумага на тех, кто два дня назад прибыли. И вот ещё примите от меня подарок (я протянул сапоги) мне их всё равно лет двадцать нельзя носить,

Унтер крякнул, поглядел в мои «искренне честные глаза» и взял. А что, если бы я отдал их тайно, это была бы взятка, а раз открыто, при всех – это подарок, от всей души.

– Кто ещё не переодетый встать, на склад бегом марш.

А вы переодевайтесь, одёжу свою вон в ту кучу выбросьте. А ты (он ткнул в меня пальцем) свою аккуратно сверни, снесёшь потом Савеличу. Понял кто это?

Я хмыкнул. Догадался, значит, что кладовщик хотел сапоги отжать, ну вот пусть хоть с моего костюма чего нить поимеет. Хотя костюм то был по здешним меркам очень даже приличный, портки глаженные, крашеные в чёрный цвет, рубаха почти белая, сюртук с карманами, на пуговицах, тоже чёрный. Почти как у помещиков.

Думаю, что унтер щас голову ломает, какого я сословия. Вроде должен быть крестьянином, представился то я ведь без фамилии, а одет как барин. И вон сапогами раздариваюсь, а мог бы продать. За те же десять копеек. Не цена, конечно, но податное население и этому радо.

Форма висела мешковато, но ничего иголка нитка есть, подошью. Сложил аккуратно «гражданку», достал из вещмешка сменную одежду, тоже сложил. Оставшиеся продукты роздал товарищам, мешок опустел. Остались только мыльно рыльные принадлежности, (самодельная зубная щётка и самолично же молотый мел, мыло тут я ещё нигде не видел), да пошивочный материал. Отпросился у командира и побежал на склад. На складе была суета, рекруты получали обмундирование. Кладовщик меня заметил и пальцем поманил к себе.

– Ну, что передумал?

– Нет, дядя Савелич, мне командир велел гражданку к вам снести, ибо она не по уставу, и хранить мне её нельзя.

Савелич хмыкнул, пересмотрел одежду, сунул её под стол. Посмотрел на меня, улыбаясь, а я на него преданными глазами. Уверен, что и кладовщик, и унтер найдут куда сбагрить

нечаянную халяву. Ну и дай то Бог, всем надо жить, а на казённых харчах – не пошикуешь. На обратном пути я думал, что надо бы напомнить моим рекрутам о нашем договоре про бесплатные обеды, вернее про обеды в долг. То, что им их помещик выделил крупы и сухарей, не отменяет тот факт, что сдабривали мы их моим личным салом, мясом и рыбой. Заартачатся, дам в глаз, всем. Альтруизм хорош при социализме, а сейчас «простота хуже воровства». Не заартачились, признали, что с каждого по семнадцать копеек. Итого у меня пять рублей десять копеек наличными и пятьдесят одна копейка в виде «ценных бумаг» – почти годовое жалованье рядового.

И началась наша учёба, я выступал в роли манекена. Унтер отдавал команду, я выполнял, остальные рекруты повторяли за мной. А сержант ходил между солдатами и раздавал подзатыльники. И это было на много эффективней, как если бы сам сержант и показывал, и проверял, кто и как выполняет. Понятия зеркального отражения тут ещё не знали. Если бы сам сержант стоял к рекрутам лицом и поднимал левую ногу. То весь строй поднимал бы правую, и был бы абсолютно уверен, что поднимает левую. А так поставил меня, перед строем, дал команду и ходи, проверяй, да раздавай тумаки непонятливым.

Учёба шла хорошо, до всех доходило быстро. Занимались только строевой, никаких физзарядок и пробежек. Оружие тоже пока не давали. Надо вначале вбить в солдат ген подчинения, а уже потом вооружать. Через три дня прибежал посыльный из штаба, что-то доложил унтер-офицеру, тот подозвал меня и велел следовать за посыльным. Пришли к штабу, посыльный велел подождать на крыльце, а сам юркнул внутрь. Вышел наш сопровождающий, я доложился. Он велел мне садиться и заговорил.

Я завтра поутру уезжаю в свою часть, про тебя я тут слово замолвил, обещали обратить на тебя внимание.

Не благодари. Лошадь и «росинанта» оставляю на нужды полка, жеребца, конечно, себе забираю. А вот, что я, у тебя хотел узнать! Уж очень мне понравилось, как твой барин хозяйство ведёт. Как вы доход то делите? Если земля у вас вся общая!

– Тут, конечно, посложнее объяснить будет. ААА ЭЭЭ УУУ. Для начала считаем паи, это кто чего в общее дело внёс, больше всего у барина, у него и земельный клин большой, и барщина опять же, которую мужики обязаны отрабатывать, и плуги (у нас землю не сохами, а плугами пашут). А вторая статья заработка, это трудодни. Кто сколько трудодней отработал, тот столько долей и получает, половина урожая идёт на паи, половина на трудодни.

Здоровый крепкий мужик во время пахоты за день труда, зарабатывает полтора трудодня, хлипкий али баба трудодень, а мальцы что помогают половину.

Офицер почесал затылок.

– Хитро, и умно. И помещик не в накладе и крестьяне заинтересованы работать, опять же работают все вместе, лениться и отлынивать не получится. Очень умно.

– А ещё мы землю удобряем. Удобрение делаем сами. Этому нас барин долго учил, к торфу, десять долей, добавляем одну долю выщелоченной золы, и всё дерьмо какое есть в селе. Всё это доставляется на барскую мануфактуру, там выщелачиваем золу и всё это перемешиваем. А потом вывозим на пары, и перепахиваем. Урожаю, наверное, уже, вдвое больше собираем против прежнего. И на семена оставляем самые крупные зёрна и семечки, а остальное на еду.

А щёлок на дворе мануфактуры стоит в огромных бочках, каждая баба может взять сколько надо, одежду постирать или в бане помыться. Раньше мы прямо золой в бане натирались, а сейчас всё культурно, цивилизованно – щёлоком.

Матвей Григорьевич поднял бровь.

Я вначале подумал, что мне показуху устраивают, все такие чистые да опрятные, словно и не работает никто, а у вас эвон как, мануфактурное производство щёлока, и благотворительная его раздача. Весьма удивительно и полезно. Буду проездом дома, обязательно своему батюшке

всё обскажу, может чего-то из этого удастся и у нас в имениях внедрить, глядишь и мы разбогатеем, а то крепостных много, земель пахотных не меряно, а толку ноль. А уж матушка то точно мне в этом союзником будет. Батюшка то в хозяйство не сильно вникает. Назначил управляющими мужиков с огромными кулаками да со звериными рожами. А они ни писать, ни считать не умеют. Только пугать мастера. Ну прощай Иван, может ещё увидимся.

– До свидания, Матвей Григорьевич, обязательно скоро увидимся. Вот начнётся очередная бесконечная война, там и увидимся.

– Какая война, с кем?

– Да мало ли с кем, у России врагов столько, что нам воевать не перевоевать.

Я отдал честь и спросил разрешения идти, он махнул рукой и разрешил.

Через два месяца нашу учебную роту построили на плацу. Мы уже были подтянуты, собраны, слаженны.

Вышел капитан-лейтенант с двумя лейтенантами. Поднял руку к козырьку и громко сказал.

– Здорово молодцы!

Мы громко ответили.

– Здравия желаю ваше высоко благородие!

– Я ваш командир! Это мои заместители лейтенант Голицын и лейтенант Ржевский. (Во как, я прямо офигел) Командиры полурот. С сегодняшнего дня начинается ваше обучение военному делу. Господа офицеры! получайте оружие, и начинайте изучать экзерсисы. Чтоб на присяге они не осрамились.

Мне посчастливилось попасть в полуроту Ржевского (буду называть его дальше поручиком). И начали меня учить тому, что я умел уже лет восемь. Ржевский сразу же заметил, что я выполняю все команды правильно и с какой-то бравурностью. И я опять работал манекеном, а офицер ходил по рядам и раздавал подзатыльники. Учили экзерсисы потребные на принятии присяги. Остальные будем учить потом. Современный человек, особенно гражданский, скажет, что муштра нафиг никому не нужна, что это пустая трата времени! Это просто начальство так извращённо издевалось над «бедными» солдатами. Это совсем не так. Экзерсисы с ружьём нужны для того, чтобы, крестьянин, не державший в руках ни чего сложнее лопаты, научился без травм, быстро, ловко и с наименьшими потерями, обращаться со сложным механизмом, которым и является мушкет. Ведь на мушкете столько разных крючков (курки, полка, замок, шомпол) за которые, легко можно зацепиться и ободрать кожу. А строевая нужна, ну в общем она нужна, служившие меня поймут, а не служившим объяснять бесполезно. Несколько простых движений отрабатывали до самого вечера, а после занятий поручик меня спросил.

– Откуда, братец, ты так хорошо приёмы с фузеей знаешь? Уж не из дворян ли ты?

– Никак нет! Я из крестьян, а приёмам этим меня барин обучал…. С малолетства.

– И чему ещё он тебя обучал?

– Уставу, рукопашному и штыковому бою, строевой подготовке, стрельбе, а ещё грамоте и арифметике. Но это больше барыня.

– Дак ты грамотный, и читать и писать умеешь?

– Так точно.

А вид у меня такой придурковатый, я сам бы себе не поверил, что я грамотный. Похоже он тоже не поверил. Мало ли, научился закорючку ставить вместо крестика, и уже возомнил себя грамотным.

– А присягу ты знаешь?

– Так точно!

– Проговори.

– Я (Иван сын Макара), обещаюсь Всемогущим Богом верно служить Её Величеству Елизавете Петровне, Царице и Самодержице Всероссийской, и протчая, и протчая,

и наследникам со всею ревностию, по крайней силе своей, не щадя живота и имения. И долженствую исполнять все указы и уставы сочиненныя, и иже впредь сочиняемые от Её Величества и её Государства. И должен везде, во всяких случаях интерес Её Величества и Государства предостерегать и охранять, и извещать, что противное услышу и все вредное отвращать. А неприятелем Её Величества и её Государства везде всякий удобьвозможный вред приключать, о злодеех объявлять и их сыскивать. И все протчее, что к пользе Её Величества и её Государства, чинить по доброй христианской совести, без обману и лукавства, как доброму, честному человеку надлежит, как должен ответ держать в день Судный. В чем да поможет мне Господь

Ржевский хмыкнул.

– Похоже, не врёшь, вот после ужина и будешь солдат присяге учить. Полуроту Голицына не учи, запрещаю, а почему не твоего ума дело.

Квартировались мы в разный палатках, обособленно, и вот каждый вечер из нашей палатки доносился бубнёж. А днём бесконечные экзерсисы и строевая. Муштра наше всё!

На присяге мы себя показали. Промаршировали, ух загляденье, присягу произносили в унисон с командиром. Затем по одному, строевым шагом подходили к священнику и целовали крест, затем знамя полка.

Полурота Голицына от нас ох как невыгодно отличалась, и маршировали они не так слаженно, и даже кто-то не туда повернулся, чем внёс сумятицу. И присягу они произносили вообще стрёмно. Скажет поручик фразу, солдаты повторят в разнобой. Голицын произносит следующую, солдаты опять повторяют. И это после нас то. Поручику аж самому стрёмно было, он злился и от того краснел. Уел наш поручик Ржевский ихнего поручика Голицына, по всем статьям уел. Соц. соревнование в натуре.

В прошлой жизни, в мою бытность срочной службы. Был у нас в части старший лейтенант Голицын. Звали его, за глаза, хим-дым, он был начальник химической подготовки. Ох и вредный он был и не порядочный. Его даже офицерским судом чести судили, за непорядочность. Но выводов он не сделал, так и остался врединой. Дык вот, я его предкам, тут отомщу, за потомка.

После присяги первое жалование. Выдавал полуротный. Я подошёл сразу же за унтером. А, что, имею право. Лейтенант отсчитал мне семьдесят копеек и сказал.

– Клей себе капральские нашивки, будешь командовать вторым десятком.

– Есть, ваше высоко благородие, клеит нашивки.

Надо же немного подлизаться. Вот так и попёрла у меня карьера. И опять начались учения, муштра и ещё раз муштра. Солдат без работы – это вооружённый преступник, потому что, если он ничем не занят, у него в голове появляются мысли, и мысли обязательно антиобщественные. Помимо муштры в расписании у нас добавилась зарядка, штыковой бой, и приёмы заряжания фузей. Вместо пороха использовали опилки, и безопасно и ствол не портят. Так же учили уставы, на память, писать и читать никто не умел. Я свой десяток гонял как проклятых. Я уже хотел стать унтер-офицером, мне надо спешить.

По вечерам учил подчинённых грамоте. С чистописанием было вообще ни как, солдатам письменные принадлежности не положены. Но буквы то они могли выучить. Я писал их прутиком на песке. Гормоны во мне проснулись. Вот и нагружал себя по полной, чтоб антиобщественные тараканы в голове не завелись.

Глава 7. Служба.

Командиры наши менялись несколько раз, прослужит два – три года и вперёд, новое звание, новая должность, с переводом в другой полк. У офицеров, в отличии от солдат, работала выслуга лет. Рождался дворянин рядовым, лет в пять становился капралом, и так далее. к семнадцати годам, ему присваивался чин прапорщика и он, дворянин, отбывал в полк. Подготовку он проходи дома, в основном очень хорошую. Редко, когда допустим, отец погиб, а родственники по мужской линии не хотят мальчишкой заниматься. Вот тогда и вырастали недоросли,

описанные незабвенным нашим Фонвизиным. Как наш Ржевский не старался, выгодно отличиться от Голицына, а приказ о новых званиях, и новых должностях, им пришёл одновременно. Из-за чего они соц. соревнование устраивали? я не спрашивал, да мне бы и не ответили, думаю из-за барышни. Проводили их холодно. Не оставили они в солдатских душах частичку себя.

Следующие командиры, были теми ещё балбесами. Друзья, не разлей вода. Балагуры картёжники и пьяницы. Однако службу сразу просекли. А просекли они, что в роте нездоровая обстановка. Две полуроты между собой враждуют. И одна, по показателям, намного опережает другую. Походили, посмотрели, поспрошали капралов и унтеров, да и вызвали меня к себе.

Первый начал говорить.

– Не будем ходить во круг да около, мы знаем, что отличные результаты моей полуроты, это твоя заслуга. Дак вот, братец, мы хотим этот дисбаланс устранить.

Второй.

– Справишься, получишь нашивки старшего унтер-офицера, а пока без нашивок. В общем обязанности мы на тебя возлагаем, а права пока нет.

И улыбается, зараза!

– Егорыча мы потом в интендантскую роту переведём, когда ты справишься. (ведь уверенны на сто процентов) Он у нас уже просил, тяжело ему с вами балбесами, старый он.

Юмористы, блин. Однако совсем не дураки, и вроде маленько психологи.

– И ещё ответь братец, а откуда ты так хорошо грамматику знаешь. И с математикой у тебя полный порядок, ты дворянин? Может из опального рода?

– Никак нет! Военным наукам меня барин, Прохор Иванович учил. А научным наукам – барыня.

– Гы-гы-гы! научным наукам! Все вокруг удивляются твоей образованности, а ты вон что выдаёшь, научным наукам.

И я начал подтягивать вторую полуроту до уровня первой. На зарядку теперь бегали вместе, тренировались и муштровались тоже вместе. Самбо и кулачному бою, тоже всех учил. Очень быстро тихая вражда переросла в крепкую дружбу. В общем, последствия неверного руководства были устранены.

Командиры полурот в мои дела не лезли. А капитан, дак вообще – небожитель. Мы его видели только на строевых смотрах. Звание мне присвоили, как и обещали. Егорыч собрал свои вещи, попрощался и пошёл в интендантство, велел только заходить, когда гешефт появиться.

Надо отметить, что мои словечки из будущего, типа, накосячить, блин, типа того, тараканы в голове, а также шуточный еврейский акцент во время денежных разговоров, прочно вошёл в обиход всего полка. И я уже не боялся спалиться. Никто не заморачивался, откуда они появились.

Часть вторая. Семилетняя война.

Глава 1. Служба продолжается.

Шёл 1756 год, служба протекала спокойно. Раза три – четыре, за эти годы, выдвигались подавлять крестьянские бунты. Неприятно, конечно, но я человек подневольный. Что прикажут то и делаю. Да и о миссии нельзя забывать. Либо несколько поротых крестьянских задниц, либо судьба всей планеты. А вот из-за чего крестьяне бунтуют, то господа между собой пусть разбираются.

Наш капитан, получив очередное звание по выслуге лет, убыл в неизвестном направлении. Не то, чтобы совсем неизвестном, просто всем было пофиг. И на его место пришёл, он.

Очередные полуротные прибежали как подорванные, заорали, заахали, чего-то запаниковали. Короче нас построили на плацу. И появился он, Матвей Григорьевич. Вот он страху то на полуротных нагнал. Нормальные, вроде, нам не мешают. В свои дела тоже не втягивают.

Чего паникуют. То, что жалование недодают, дак это традиция, её только Павел Петрович в своём полку поломает, и то ненадолго, пока сам командовать будет.

Командир первой полуроты отдал соответствующие команды, подбежал к капитану отдал честь, доложил и сделал шаг в сторону. Матвей Григорьевич пошёл вдоль строя. Увидел меня, я как старшина, стоял первым, вскинул бровь, и пошёл дальше. Осмотрел всех солдат, встал перед строем и громко произнёс.

– Здорова чудо богатыри!

Прямо по-Кутузовски.

– Здравия желаем ваше высоко благородие!

– Поздравляю вас с моим назначением вашим командиром!

Юморит, однако.

– Ура! Ура! Ура!!!

– Вольно! Старшину ко мне!

И пошёл в канцелярию. Поручик продублировал команду и посмотрел на меня такими заискивающими глазами. Это ж какая в среде офицеров о нашем капитане слава ходит? Он не успел приехать, а его уже до дрожи в коленках боятся. Ну сын бывшей фрейлины, ну сын генерала, дак и сами они не простые дворяне, дети полковников, причём действующих. Не факт, что их папаши до генералов не дослужатся. Дак чего они дрожат.

Зашёл следом за капитаном в канцелярию. Доложил строго по уставу. Поводов к панибратству не было.

Капитан поглядел на меня.

– Ну здорово чертяка!

И протянул руку. Я протянул в ответ.

– Здравствуйте Матвей Григорьевич, поздравляю с капитанством и назначением в лучшую роту полка. Так по-простому, от души поздравил. А он.

– Ура! Ура! Ура!

Не громко. Петросян прямо, всё шуточки.

– Рассказывай, как живёшь?

– Нормально живу, служу, делаю карьеру. Домой в отпуск не ездил, письма с теми хануриками из отрадного, передавал, да ответ получал. С родными всё в порядке. Кому положено – замуж выдали, кого положено – женили. Невеста, от которой я сбежал, тоже, в тот же год замуж вышла! Хи-хи.

Мою пламенную речь, над которой вы с барином ржали, моим недругам передали, вот один из них и решил мне отомстить! Типа невесту у меня отбил. Хи-хи! На то и был расчёт, я его подставил. А у вас как? барин.

Да и у меня всё хорошо, относительно.

Ваши прогрессивные методы хозяйствования мы у себя внедрили. Матушка так за эту идею уцепилась, съездила в ваше село. Всё осмотрела, обсчитала, записала. потом ещё мужиков, что поумнее к вам отправляла, чтоб поучились. Лён мы не стали культивировать, возни с ним много, а вот сахарную свёклу и подсолнухи за милое дело. Сахарная мануфактура и маслодавилка у нас, в Петербург поставляем. Перестали каждую копейку экономить.

Я ещё тоже не женился, жду, когда невеста подрастёт, хочу с твоим барином породниться, уж очень мне его средняя дочка глянулась, Лианка. Такая умненькая, я как приезжаю, она мне на шею залезает, и чтоб её оттуда снять, очень серьёзный повод нужен.

Я засмеялся.

– Ни чего тут нет смешного, я как её вспоминаю, у меня на сердце тепло становится.

– Матвей Григорьевич, это точно ваша будущая жена. Есть анекдот….

– Что есть?

– Анекдот, это притча такая смешная.

– Откуда только слов всяких новых нахватался?

– Дак тут в полку, тут вы ещё такого услышите! Не сразу и поймёшь, что оно означает. Дык вот анекдот. Выносит жених невесту из церкви на руках. Оба улыбаются, а невеста и говорит, ну всё хватит меня на руках носить. Я уже не невеста, я уже жена. Жених обрадовался, а невеста. Дай теперь на шею сяду.

Капитан на меня посмотрел, задумался. Было слышно, как у него в голове шестерёнки скрипят. Как бы на счёт своей невесты не отнёс. Ну не дорос местный народ до юмора двадцать первого века. Затем у него в голове, что-то щёлкнуло, и он захохотал.

– А ведь действительно притча в тему, невеста на руках, а жена на шее.

Отсмеявшись, сказал он.

– Я вот тебя зачем вызвал, я знаю, что офицеры солдатам жалование не полностью выплачивают.

Я молчу.

– Жалование теперь будешь выдавать ты, и попробуй хоть грош не додать!

– Ваше благородие, ви таки хотите сказать, что бедный старшина был когда-либо причастен к утаиванию чужих капиталов?

– А кто у Отрадновского помещика гривенник спёр?

А сам хитро так улыбается.

– Дак это было сделано с благородной целью поднять ваш и без того высочайший авторитет, ведь-таки у всех высоких чиновников, подчинённые получают кэш от просителя.

И мы засмеялись.

Я подумал, стоит или не стоит говорить капитану о предстоящей войне, решил, что стоит. Роту я подготовил хорошо, а вот полк? Да и не в обучении солдат дело! Битвы это всего один процент войны, а всё остальное переходы, обозы, рытьё окопов, строительство укреплений. Так, что скажу, пусть думает.

– Матвей Григорьевич, скоро война с Пруссией, нам надо быть готовыми к походу.

Он остолбенел.

– Откуда знаешь?

– Логика!

– Ну и что тебе твоя логика говорит?

Спокойно так спрашивает. Точно, сам про войну знает.

– Фридрих, пойдёт на нас, он победил Австрию. Теперь у него руки развязаны. На Францию он не пойдёт, кишка тонка. А вот на нас вполне. Наши западные губернии можно так не хило покромсать. А запросы у него как у Александра Македонского.

– Скажи ещё как у Юлия Цезаря.

Не, Цезарь наводил порядок в своей империи, вёл гражданские войны, а македонский завоевал половину известного тогда мира. Вот и Фридриху не дают покоя слава великого завоевателя. Он будет отвоёвывать у нас Прибалтику. Капитан ухмыльнулся.

– Не говори, что тебе про Александра и Цезаря тоже барыня рассказывала!

– И не скажу. Могу показать, но для этого мне нужна увольнительная.

Увольнительную можешь сам себе выписать. Не рядовой. дак где узнал?

– Есть тут одно заведение, в городе, дак вот там обитают девицы с пониженной планкой социальной ответственности, и для антуража стоит шкаф, а в нем книги, я-то поначалу подумал, что они бутафорские, а оказались настоящие. Спросил у мамочки, брать можно, главное вернуть.

Капитан в ступоре открыл рот.

– Ты за семь лет, где-то университет успел окончить? Так изысканно, назвать…эээээ… куртизанок, это надо постараться! у меня после твоих слов, даже язык не повернулся, этих девиц – продажными девками назвать.

– Да чего тут такого-то? Они сами себя так называют. Мы не продажные девки – мы барышни с заниженной планкой социальной ответственности. Иногда говорят, моральной ответственности.

– Про девиц потом поговорим, можно даже экскурсию устроить.

– Заметьте, не я это предложил!

Хитро улыбаясь, сказал я.

– А вот про Фридриха нашего незабвенного. Странно всё. Ведь России, не в коем случае нельзя ослаблять Пруссию. Она ж противовес разным Швециям и Даниям. Если мы совсем загоним Фридриха в каменный век, шведы с датчанами и поляками тут же на его место полезут. Тоже начнут строить великие империи. Вот венгры, сидят себе тихонечко. А потому, что у них турки в подбрюшье. А представь если б у нас при Анне Иоанновне сил хватило турок на ноль помножить, выгнать их из Европы. Давно б уже мы с венграми да румынами воевали. И вот только не говорите мне, что вы всего этого не знали, я же вижу, что вы речам моим ну нисколько не удивлены.

– Уел чертяка, знаем мы всё, не один ты такой умный. Но про это молчок, государственная тайна. Главнокомандующим западными корпусами назначен фельдмаршал Опраксин. Будем воевать без войны. Ну а щас ступай. Занимайся ротой. Готовь к походу. Что б все ротные телеги в порядке были. Что б смазка для ружей в достаточном количестве, это тебе на сегодня задание, завтра ещё задачи поставлю. С утра ко мне.

Я отдал честь, громко крикнул «есть», развернулся и строевым шагом пошёл в расположение. Про себя думаю (где-то здесь за мной наблюдают мои полуротные) будем играть спектакль. Маршируя, бубню сам себе команды.

– Ать два, ать два, на право, ать два.

И так далее. За углом, наконец то, на встречу мне выскочили два моих полуротных. Я остановился, отдал честь. И заорал.

– Ваше благородие….

– Тише, не надо доклада.

Я делаю вид, что дрожу в коленках и нервно глазом дёргаю. Надо же показать, что не зря полуротные командира бояться, вон как старшина, старый вояка, перепугался. Я-то уже участвовал, по их мнению, в боях, бунты подавлял, а они нет.

– Что он спрашивал?

– Что спрашивал – не помню. Уж очень, их благородие, грозен. До сих пор отойти не могу. Коленки дрожат. Но отвечал я всё как есть честно и без утайки. А ещё, их благородие приказали мне проверить ротное имущество на предмет ремонта, разрешите выполнять?

– Выполняй!

И я побежал. Пусть видят какой монстр над ними теперь властвует.

С ротным имуществом было всё в порядке, я это знал, я готовился к этому походу уже давно. А вот потренироваться, выступать в течении нескольких минут, стоило.

– Рота тревога!!! Срочная передислокация!!! Вы четверо, запрягать лошадей, первый десяток – грузить мешки с овсом, крупой и сухарями в телеги. Второй десяток берёт фузеи первого десятка, и выходит строиться.

Чего-то хреново получается, сутолока и ненужная суета.

– Отставить, всё возвращаем на исходную. А я, чего, не сказал, что тревога учебная? Дак вот говорю. Тревога учебная, ни куда мы не передислоцируемся, но ведь уметь мы это должны! Сидим на одном месте уже несколько лет. Давайте сделаем так, первыми вооружаются и экипируются первый, второй, третий десяток, четвёртый, пятый, шестой, вслед за ними. Затем, первые три десятка отдают свою экипировку вторым трём десяткам, и запоминайте кто кому отдал, и кто у кого взял. Что б никто ничего не потерял. Далее первые два десятка хватают мешки с припасом, а третий десяток бежит запрягать лошадей.

Попробовали, опять неувязачка, мешки с припасом большими оказались. В одного тащить тяжело, а вдвоем неудобно. Разделили каждый на три части. Дело пошло. Решили, что амуницию свою никто никому отдавать не будет, а прямо так полностью вооружённые и экипированные схватят по мешку малому и в телегу, и тут же в строй, ждать дальнейших указаний. Потренировались, уложились в норматив, мной придуманный, сделали круг по части, и дальше по расписанию. Из окна канцелярии за нами наблюдал капитан и довольно ухмылялся.

На следующее утро сразу после завтрака, я промаршировал от самой казармы до канцелярии, и далее по коридору до кабинета. Постучал, дождался приглашения, вошёл и доложил, как положено.

– Ты чего это вчера вытворял?

– Вы насчёт тренировки спрашиваете?

– Нет, с тренировкой как раз дело понятное. А вот почему ты строевым шагом от меня до самой казармы гарцевал?

– Я и сегодня от казармы до вас строевым гарцевал. Пусть все видят, какой вы суровый начальник. Запугали бедного меня до мокрых штанов. Это я для полуротных комедь ломаю.

– Я почему-то так и подумал, ну убедится то надо было.

– Садись, надо ещё кое, что обсудить. Ты, как погляжу, парень далеко не простой. Что ещё о предстоящей войне думаешь?

– Это будет странная война. Мы будем стоять возле западных границ и ждать пока Фридрих разделается с очередным противником, или поляками или с силезцами. Можно было бы ему в тыл ударить. Но тогда мы всю европейскую политику нарушим и Фридриха очень ослабим. Будем ждать, пока он сам не нападёт. А вот в этом ему стоит помочь. Но так что бы он напал, когда нам это нужно.

– И как это сделать?

– Спровоцировать, пробраться к нему в лагерь и вырезать с десяток офицеров.

– Иж ты – офицеров, а почему не самого Фридриха?

– Его нельзя, он помазанник божий! Фигура не прикосновенная. Да и без него Пруссия опять станет слабой и перестанет быть противовесом. Надо так пощекотать не много. С десяток командиров рот, а если утром не попрут в атаку, то пару полковников, да ещё полковые кассы стырить. Вынудить их напасть, когда нам это нужно, когда мы будем наиболее готовы к нападению.

– Повторяешься. А почему солдат не вырезать. Ведь против убиения офицеров наши дворяне возмутятся. У нас половина командиров из немцев да англов.

– А солдат убивать тщетно, из-за солдат они даже не почешутся. Ну учинят какое-нибудь дознание, найдут виноватых, даже, может быть повесят ещё с десяток для острастки остальных, но атаковать не будут. А вот офицеры – это становой хребет армии. И если мы не ударим сейчас, русские подло вырвут позвонки этого хребта.

– И как ты себе это представляешь, кто будет диверсантом? Я так понимаю ты, сколько в роте таких найдётся?

– Двадцать три человека – готовые диверсанты, с природными задатками, частично из охотников. Научил их приёмам борьбы. Глотки резать, чтоб кровью не измазаться. Специальными круглыми палочками, под видом ножей, тренировались, что б товарища не поранить. А вот смогут они или нет, живого человека зарезать? Вопрос. Но пока не попробуем – не узнаем, а ещё я их на полковую бойню всегда отправлял, когда надо было баранов или свиней резать.

– Ага, подготовился значит со всех сторон. Хорошо. Ну и о себе нам надо подумать, война для карьеры самое подходящее время. Какие на счёт этого у тебя мысли.

– Простые, лезть во все дыры – куда нас не просят. Для начала я думаю, надо напроситься в головной

дозор. Вы, ваше благородие, подъедите к командиру полка и, с видом лихим и придурковатым, всем своим видом покажете своё рвение к службе. Мы всё равно самые первые к походу подготовимся, остальные роты, глядя на вчерашние наши извращения, только посмеивались. Ну вот и пусть остальные ротные ждут выслуги по летам, а мы не можем ждать милости от природы.

– Ну хорошо, твой план принимается? Я и сам так же думал. А когда твои вчерашние экзерсисы с телегами посмотрел – убедился окончательно. Сегодня приду на занятия. Погляжу как твои пластуны действуют. Может чего подскажу, или сам чему научусь. Ладно иди, и не делай сегодня испуганный вид. Хватит уже полуротных пугать. Да и пошли кого-нибудь, чтоб мне их суда вызвали. Может сегодня заговорят, а то вчера они двух слов связать не могли. Похоже о делах роты они вообще ничего не знают.

– Есть!

Ответил я и развернувшись пошагал в казарму. Рота находилась на занятиях на плацу, отрабатывала строевой шаг. В казарме оба поручика расспрашивали дневального, думаю о делах роты. Я, как и положено, строевым шагом подошёл и доложил о прибытии. И о вызове их к командиру. Офицеры приуныли. Я решил их подбодрить.

– Их благородие, сегодня в хорошем расположении, смотрел ласково, расспрашивал о проблемах с обеспечением.

– И какие у нас проблемы?

Нашёлся один.

– Да пустяшные, ветоши для чистки оружия не хватает, а также оружейного масла. Интенданты экономят. Ещё у нескольких солдат обувь развалилась, не качественная попалась, сроку своего не отслужила. ЭЭЭ…. Вы б поторопились ваше благородие, как осерчает их высокоблагородие!

Ага, проняло, оба встрепенулись и уже было помчались, я предварительно отошёл в сторону. Но вдруг один остановился, сунул мне рубль и уже на ходу крикнул, направь кого-нибудь в город к портным, пусть всю ветошь скупят, какая у них есть.

И второй тут же вернулся, протянул ещё рубль.

– Дай кладовщику, скажи, что я очень просил поменять обувь солдатам, от моего имени пообещай, что потом сочтёмся. И убежали. Замечательно, присказка о тётеньке и воде действует и в этом времени.

Отправил дневального свободной смены за каким нибудь унтером, сам сел писать увольнительную, пришёл Савелий, тот самый, из Отрадного, я аккуратно вписал его имя в увольнительную велел взять телегу и дуть в город, на рубль как раз целую телегу ветоши можно набрать. Сам пошёл к кладовщику.

–Егорыч, будь здрав! Мне с тобой поговорить надо конфиденциально.

– Федька, брысь отсюда!

Это он помощнику, а не мне. Я протянул рубль и сказал, наш командир увидел беспорядок на ногах некоторых наших солдат и возмутился до глубины души, ты уж помоги. А то мне несдобровать. По секрету скажу, скоро поход, а обувь у солдат разваливается, и чинить её ну никак не получается.

– Много ли надо то. Четырнадцать пар, видно кожа не качественная была. И по графику ещё двадцать через неделю менять. Но может случиться так, что через неделю мы уже все на марше будем, а тебе надо на марше ещё и этим заниматься.

– Хорошо, присылай всех к концу дня, поменяем. И пришли ещё плотников телеги подладить, а то у меня людей нет.

– Замётано, плотников пришлю сразу после обеда, а за башмаками как ты сказал – к вечеру. И мы разошлись довольные друг другом.

Тут хочу пояснить, что обоз в нашем полку делился на две части. Одна часть полковой обоз, куда входили все интендантские службы, то бишь продуктовый, вещевой и оружейный. А вторая часть распределялась по ротам. Четыре телеги, для небольшого припасу, немного крупы, немного пороха и пуль, ну и всего остального, что нужно на марше, той же ветоши и ружейного масла. Как обстояли дела в других полках, я не знаю, у нас было именно так. По-моему правильно, вдруг придётся действовать в обособленной обстановке. Вот на починку полкового обоза, вещевой службы, я и отправил плотников, были среди солдат и плотники и кузнец, а в основном конечно землепашцы. После обеда собрал своих пластунов, разведчиков и диверсантов в одном лице, велел экипироваться по полному экстерьеру. Вывел на полигон, я ждал командира.

Для начала потыкали штыками в чучела, поборолись друг с другом, а потом я велел одеть маскхалаты (не удержался я всё-таки «изобрёл» лешаков) и поползать. Завидев командира, дал команду замереть. Хотел удивить. Щазз! Удивил, себя! Капитан поглядел на меня уж очень подозрительно.

Я подошёл к нему строевым шагом, отдал честь и начал докладывать.

– Ваше высокоблагородие, группа военнослужащих особого взвода отрабатывает навыки ведения скрытой войны.

Ну не знал я как мою группу назвать. И как назвать то, чем мы занимаемся, всё-таки в это время понятия полковая разведка не было.

– Оставь вместо себя заместителя, и быстро в канцелярию.

Мне показалось, что меня сейчас расстреляют, повесят, четвертуют и сдерут кожу. Голос просто замораживал. Даже представить не могу, что чувствовали, те, с кем он так разговаривал. Вот почему помещик Отрадного так напугался. Вот почему поручики тряслись от одного вида капитана.

Оставил вместо себя капрала, и пошёл вслед за капитаном.

– Перестань паясничать, ты не Зеленский или Зеленский.

– Нет-нет, я не он.

Так просто спалился. Подловил он меня. А сам то он кто? Пришли в канцелярию роты. Командир велел денщику сварить кофе побольше. И валить до завтра в увольнение. Достал из шкафа бутылку и две стопки. Налил, и мы молча выпили.

Заговорил, но уже спокойно, без сосулек в голосе.

– Если ты скажешь, что лешего ты в книге подсмотрел, или барин тебе про маскхалат рассказал, я тебя запытаю а потом ещё раз спрошу. То, что ты из России, я уже понял, и примерно с моей эпохи. В каком году ты там помер?

– В 2045.

– Угу а я в 2043, когда лунную базу взрывали, первую волну, та, что на автоматике работала, они всю уничтожили. Ну вот мы второй волной уже сами пошли, я не долетел. Хоть взорвали эту крепость?

Он налил ещё.

– Взорвали. Чуть луна на землю не упала, говорили, что орбита у неё сместилась. И вращаться она начала, теперь можно и обратную сторону луны разглядывать с земли. Давай помянем ребят, из ваших никто не вернулся.

Мы выпили. Налили ещё. Я продолжил.

Восемь или десять ракет до базы добрались, остальные, как и ты, на подлёте. Давай ещё раз помянем героев. Не всем повезло второй раз родится, или всем?

Кроме тебя я никого больше не вычислил, или, никого больше нет, или шифруются лучше тебя. Хоть победили мы?

– Да как сейчас узнать? После уничтожения первой базы, они ещё раз как катком по земле прошлись. Вообще народу почти не осталось, чуть больше миллиарда. У них ещё одна

база была, в поясе астероидов. Вот я на ней погорел, вернее после неё. Уже когда в атмосферу входили, видно сердце не выдержало,

– А что так?

– Да я уже старый был. Больше пятидесяти, а в космосе целый месяц болтались. Пока туда пока оттуда, всё-таки фаэтон, он не близко.

Выпили ещё, закусили плотно, налили кофе, и попивая, я ему рассказывал и рассказывал, пока не хватился!!!

– Эээ… а ты кем был в прошлой жизни? Чего это я тебе всё рассказал, а ты даже наводящие вопросы не задавал?

– Полковником ФСБ, а полетел потому, что у меня другого выхода не было. Если б дело не выгорело всё равно смерть, я ж эту идею со взрывом базы продвигал у верховного. Я головой поручился. Мы ж тогда последние ресурсы со всей земли собрали.

– Даа !!!, дела, я разговариваю с живой легендой. Вас очень тогда прославляли, хотели каждому памятник поставить, но эти богомолы помешали. Ох как они нам всыпали. Но опять просчитались, они ж тупые, опять по экватору и субтропикам били, а в северных широтах кое как. Мы ж потом пленных допрашивали, не думали они, что в таком суровом климате жить можно. Видно, на тёплой планете живут.

Ну, за встречу.

И мы ещё выпили, опять плотно поели, и опять налили кофе.

– Что делать будем? ведь не зря же нас сюда заслали.

– Ты думаешь? Может это случайно получилось?

– Неет! у нас есть миссия.

– Выкладывай.

– Будущие войны выигрывают учителя, это Бисмарк, по-моему, сказал. Вот и надо нам начать просвещение.

– Хе-хе, как у нас мысли сходятся, как у дураков. Я все эти годы при любой возможности записывал, всё, что знаю, а знаю оказалось не мало. Знаю даже то, чего никогда не знал. Хоть бы диктофон, какой нить дали с собой, чтобы наговаривать, а не писать, а то этими перьями и по такой бумаге уж очень медленно получается.

– А кто сказал, что будет легко. Тебе, повезло, вон князем родился, а я вообще в младенчестве мог от голода помереть.

– Кстати, про твоё младенчество, а Прохор Иванович не из наших ли. Уж больно его система хозяйства на колхоз похожа.

– Нее, это опять я. Не сам, конечно, это я через крёстного действовал. Я ж у него в учениках ходил, вот и присел на уши, (а что если сделать так, а что если все межи распахать, а что, если вместо ржи и кудели, которая стоит дёшево, продавать холстину) конструкцию самопряхи ему тоже я подсказал. Он оказался мужиком не то, что не глупым, а даже очень умным и талантливым руководителем, ведь даже Прохора Ивановича сумел убедить.

Тяпнули ещё по рюмочки. Водка не брала, слабенькая она была, в это время водку делали тринадцатипроцентную. Бутылка опустела, Матвей Григорьевич потряс ей в воздухе и выдал старый анекдот

– Батюшка, а сколько вы можете выпить? В хорошей компании, да под хороший закусь – до бесконечности.

– Ага, значит реакция на мой анекдот – это была камедь.

– Да нет, я просто опешил, откуда ты можешь знать анекдоты двадцать первого века. Подумал, либо ты попаданец, либо твой барин. Дак, что дальше будем делать? Как население учить, так сказать – прогресс двигать.

– Ну у меня одна мысль, надо нам на гражданку, но вначале мне надо заслужить дворянский чин. Денег заработать, имение купить. А пока, вы пишите научную науку, в начале

техническую, а я буду командовать вашей ротой. А дальше по обстоятельствам, я насовершаю кучу подвигов, а вы будете меня в дворяне продвигать.

– План принимается. Тебя лейтенанты не достают?

– Нет, они нормальные. Особо в дела роты не лезут, лишнего не придираются, вон сегодня даже денег на нужды роты выделили, из своего кармана.

– Вон они значит, как дела решают, ну что ж добре. Прямо с порога мне доложили, что не хватает ветоши и ружейного масла, но эта проблема будет решена уже сегодня же. Я сказал, что завтра проверю. Ну ладно иди, чего-нибудь придумай, как и где напился, про меня, естественно, даже не намекай.

– Понял, не дурак, был бы дурак – не понял.

Я ушёл в казарму. Все уже спали. Я разбудил Савелия, спросил, как он справился, он пробурчал, что всё сделано. И я лёг спать.

Глава 2. Передислокация.

Через две недели при штабе началась суета. Вот она – передислокация к фронту.

По гарнизону все бегали, суетились, а наша рота спокойно по расписанию проводила занятия на плацу. Прибежали наши лейтенанты, я дал команду смирно, подошёл к ним строевым шагом и доложил. Они смотрели на меня удивлённо, открыв рот. Наконец глядя на мой невозмутимый вид, успокоились.

– А вы ничего не слышали?

– Ничего, приказов никаких не поступало, команд горна – тоже, значит, проводим занятия по расписанию.

– А, ну верно.

И тут зазвучал горн. Команда в поход.

Я кричу роте

– Боевая тревога! Передислокация, действуем согласно боевому расчёту.

Все сорвались, и я вместе со всеми, за мной бежали оба лейтенанта, за какие-то минуты лошади были впряжены в телеги, и на них стали укладывать наш НЗ.

Все вооружились, экипировались и уже начали строиться. Капитан прискакал на своём жеребце. Лейтенантам тоже подвели лошадей.

Командир отдал команду, вперёд, и мы двинулись к воротам. Возле выхода замерли, стали ждать. Ждали около получаса. Наконец подъехал полковник. Капитан дал команду смирно, подъехал на встречу, и прямо с коня доложил, полковник оглядел нас и поздоровался. Мы ответили. Далее они отъехали чуть в сторону, и о чём-то беседовали. И вот капитан даёт команду вперёд, и мы пошли, волчьим шагом вестфолдингов.

Километров через пятнадцать встали на привал. Солдаты достали немудрёную снедь, в основном хлеб и сало. Перекусили, отдыхаем. И тут голоса.

– Старшину к командиру.

И так несколько раз. Я прибежал, доложился. Мне велели сесть. Начал капитан.

– Полк оказался к походу не готов. НЗ ни у кого, кроме нас, не собрано. Телеги поломаны, только интендантские службы более-менее нормально, но им грузится пол дня. Приказ поступил выступить сегодня, а выступать то и некому. Полковник очень обрадовался, что хоть одна рота в порядке. Задача поставлена следующая, играем роль головного дозора, дескать полк сзади движется. Сейчас ждём личный обоз полковника, и вместе с ним топаем ещё пятнадцать километров, и встаём лагерем. Ждём остальных. Вопросы есть, вопросов нет, отдыхаем.

А примерно через час подъехало ещё шесть телег, это был личный обоз командира полка, палатка штабная, кровати, сундуки, столы, стулья, да мало ли чего ещё нужно командиру в походе. И мы двинули дальше. А уже на закате развернули лагерь. И только через два дня нас догнал полк, полковник был злой как собака, увидел свой шатёр и подобрел, не много. А мы ему тут же ужин, он ещё сильнее подобрел. Вызвал к себе нашего ротного на беседу. А

мы ловили на себе ненавистные взгляды остальных офицеров полка, но особенно выделялся взгляд командира нашего батальона. Вот уж точно, он нас первых на убой пошлёт, при первой же возможности.

Ну вот, чую я, не будет у него этой возможности.

Вышел ротный, дал команду.

– Отбой. Утром выступаем за час до рассвета.

И подмигнул мне, начало интригующее.

Глава 3. «Заговор».

Утром тихо поднялись, тихо собрались, и тихо удалились, незачем весь полк будить. Командир спешился, велел то же сделать и остальным офицерам, и подозвал меня.

– Хочу всех нас поздравить. Теперь мы не первая рота второго батальона, а отдельная разведрота полка.

Что это такое потом объясню.

И подмигнул мне.

– А пока у нас особое задание, придумать причину, почему полк на два дня задержался с выходом. У кого какие мысли?

– Диверсия на дороге,

Выдал поручик.

– Типа крестьяне бунтовали.

– Глупо, конечно, но придумай подробности, почему про этот бунт никто не узнал, и где те бунтовщики. Ещё варианты есть.

– Мост по дороге поломан, мы проходили один, через овраг. Вот мы шли дозором и обнаружили, что тот мост пушки не выдержит. Ну и занялись ремонтом, а в полк отправили вестового, чтоб они не торопились, мол ремонту на два дня.

– Как основа подойдёт, теперь продумываем детали.

А во время обеда, лошадям то надо отдыхать, обговаривали детали. Хочу пояснить для читателя, что в средние века скорость передвижения подразделений целиком зависела от состояния лошадей. Лошадь не человек ей отдыхать надо обязательно, не то она помрёт. В общем двадцать пять – тридцать километров в день – это предел. Если путь не далёкий, на два, три дня, можно и сорок – сорок пять километров пройти, но затем обязательно надо дать лошадям хорошо отдохнуть. А если поход серьёзный, то проходить больше двадцати пяти километров в день лошадям ну ни как нельзя. Логистика войны, и она будет актуальна до конца второй мировой.

В обед порешали так. Возле моста задержались не надвое суток, а на день. Второй день спишем на ещё какой-нибудь мост, мало ли их по дороге попадётся.

Назначили вестового, того же Савелия. За инструктировали его «до слёз», вечером представим полковнику. Проинструктировали всю остальную роту, каждый должен был запомнить, что он делал поминутно. Кто и сколько разгружал телеги, кто валил лес, где и какой, кто возил, кто старые скобы из старого моста вырубал. В общем продумали всё до мелочей, под конец и солдаты и мы поверили – да мост мы ремонтировали. Капитан написал письмо, которое вестовой передавал. Вечером представим план полковнику, и вестового заодно.

Двинули в путь. Второй «поломанный» мост желательно найти, где нить поблизости. Иначе можем спалиться. Какими дорогами пойдут другие полки, мы не знаем, скажем, что тот или иной мост был поломан, а окажется, что перед нами его кто нить проходил. И мост был целёхонек. Под вечер такой объект нашёлся, встали возле него лагерем. Дежурные начали кашеварить, кто-то разворачивал штабную палатку, кто-то встал в дозор, а я вместе с плотниками принялся топорами ошкуривать второй «поломанный» мост, чтоб новее выглядел. Вообще то навряд ли кто-нибудь будет проверять и опрашивать солдат, что было, чего не было.

Но чем чёрт не шутит, а вдруг у корпусного командира настроение будет ещё хуже, чем у нашего полковника. Учинит дознание с целью лишить полковника должности. Ведь может оказаться, у него на это место другая кандидатура, из числа родственников, приготовлена. А тут такой замечательный случай, опоздание к месту сбора, да ещё обман вышестоящего начальника. Как говорится бережёного – Бог бережёт, а не бережёного – урядник стережёт. Вскоре подтянулся полк. Ротный, вместе с вестовым, встречал командира возле его шатра, доложил, вместе зашли в палатку. Пробыли там не долго, ротный выглянул, махнул поварам, мол несите ужин, и выпустил Савелия. Сам остался ужинать с полковником. Значит, всё складывается удачно.

За месяц с небольшим дошли до западных границ и влились в корпус генерала Румянцева. Зря мы паниковали, никто дознания не учинял. Многие полки опоздали ещё больше.

Глава 4. Война без войны.

Встали под Ригой, разбили палатки, начали заготовку дров, я помнил из истории, что стоять тут предстоит до следующей весны, почти год. Так, что обустраиваться предстоит капитально. Странно, что капитан об этом ничего не знал. Я его спросил, почему так? Оказалось, что его учили самому необходимому, война уже шла. Ни истории, ни политэкономии, ни тем более литературы в школе не преподавали. Учили самому необходимому для войны, физике, химии и математике, и всё углублённо. Никто ж не знал, что из того или другого пацана или девчонки получится, боец или учёный. Учёные на войне ой как нужны, они оружия наизобретали столько, что в итоге мы переломили хребет богомолам. Я тоже учился в эпоху перемен, болонская система, Е Г Е, и прочая хрень. Мне повезло с родителями, они были хоть и не из интеллигенции, но ужас как начитанны. Вот и в меня вдолбили советское образование, а потом и в мою дочь, что в дальнейшем ей очень пригодилось. Шутка ли, женщине дослужиться до генерал-полковника и стать министром военного строительства. Что-то воспоминания нахлынули, сейчас не об этом надо думать, сейчас другая война.

В общем решили полковника перетянуть на нашу сторону. А именно заняться обустройством капитального лагеря, не зимовать же в палатках, эдак от армии ничего не останется. Мало того, что «боевой» понос людей косит, дак ещё и простуда и пневмония начнётся.

Высокопоставленным чинам, долго объяснять не пришлось. Дураки и сволочи, до высоких званий не доживают. Идёт, так сказать, естественный отбор, по средством дуэлей. Капитан переговорил с полковником, полковник с командиром корпуса, и далее по цепочки до Опраксина дошло. В общем вырыли и обустроили землянки, срубили несколько бань, несколько сараев для лошадей. Вырыли несколько колодцев. Обустроились. И начались проблемы.

Местное население, то бишь рижане, быстро сообразили, что солдаты получают жалование. И это жалование должно перетекать в их карманы. А то пришли, понимаешь ли, какие то азиаты, и тратят их деньги в их же весёлых домах, и в их же трактирах. Да так тратят, что им, европейцам, уже в подобных заведениях и не рады. И пахнет от них, видите ли, не хорошо, и пожрать, и выпить, и услугами весёлых девиц воспользоваться норовят всё больше в долг. Раньше никого это не напрягало. Вот и решили рижане банчить спиртным, прямо на территории военного городка. Да так банчить, что бы у солдат денег на разные антиобщественные мероприятия «посещение публичных домов и трактиров» не оставалось. Ходит такой солдат по Риге, любуется архитектурой и дерьмом, текущим по улице, в общем, культурно развивается, самосовершенствуется. Вот и начались пьянки в землянках, а где пьянки там и драки, вплоть до поножовщины. В нашей роте дисциплина была железная, однако и у нас пришлось несколько человек высечь. И это только начало. Пробовали гнать местных, результата ноль. Ведь к каждому постовому офицера не приставишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.